ГАЛЛЫ

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ

БЕРНАР БРИЕ

МАРСЕЛЬ ЛАВЕРДЕ

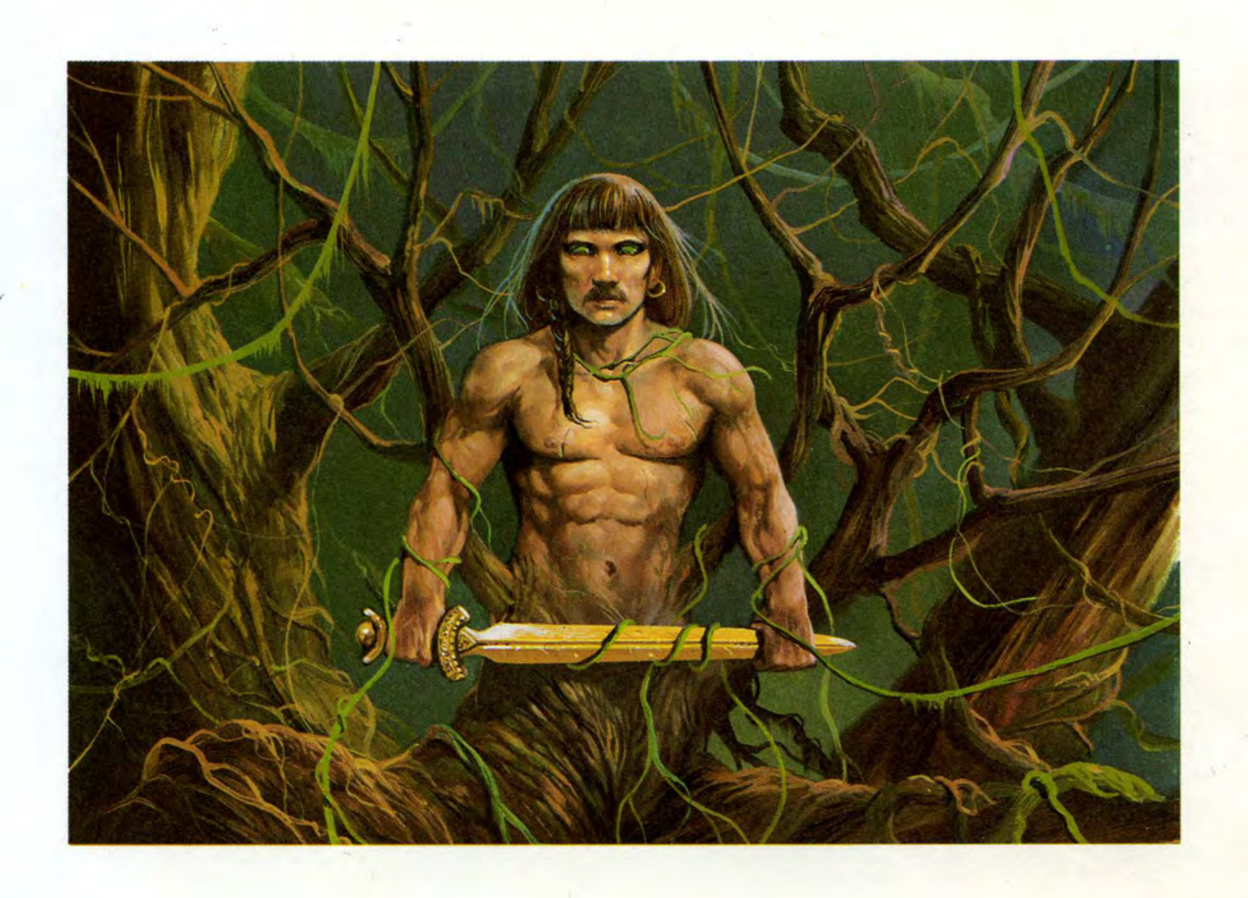

Текст Бернара Брие

Иллюстрации Марселя Лаверде

*Перевод с французского
Галины Калашниковой*

АШЕТТ ◆ **ДИАЛОГ**
ПАРИЖ МОСКВА

Гнев Тараниса

Вот уже несколько часов Даголитос и Эпоредакс взбираются на Священную гору. Лес остался позади, и два воина сейчас идут по вересковой пустоши. Они останавливаются, чтобы перевести дыхание... Тишина действует на них угнетающе. К тому же их не покидает ощущение чьего-то таинственного присутствия, что заставляет еще крепче сжимать рукоятки длинных мечей... Друзья уже сожалеют, что приняли этот глупый вызов в конце хмельного пира, когда они заявили во всеуслышание, что готовы подняться на вершину Священной горы.

Беспокойство и страх все нарастают, и все происходящее кажется им теперь не только легкомысленной, но и опасной затеей...

Они испугались бы еще больше, если бы увидели над собой, в вышине, великого Тараниса, сердито наблюдающего за ними. Владыка небес хмурит брови и нервно теребит кудрявую бороду. Он возмущен дерзостью юношей, вознамерившихся проникнуть в жилище богов!

Друзья пребывают в нерешительности. Сверху, с горы, земля кажется такой маленькой и далекой. Они как будто попали в другой мир. Поднимается ветер, над землей собираются тучи. Не повернуть ли назад, пока не поздно? Однако обидно возвращаться ни с чем, когда цель совсем близка!

Преодолевая страх, Даголитос и Эпоредакс упрямо продолжают восхождение. И тогда Таранис дает волю своему гневу. Схватив одну из спиралей, которые были у него на плече, он в ярости мечет ее на землю. Ослепительная вспышка молнии прорезает небо. Потом бог изо всех сил толкает солнечное колесо: ужасающий гром сотрясает все вокруг, страшный грохот раздается одновременно со всех сторон... Нельзя безнаказанно вторгаться во владения богов, тем более — великого Тараниса!

Обезумев от ужаса, галлы вздрагивают всякий раз, когда на гору обрушивается молния. Они предпочли бы тысячу раз сразиться на поле битвы лицом к лицу с вооруженными врагами! В знак своих мирных намерений они бросили мечи. Впрочем, все равно, какой в них прок, если им противостоят божественные силы? Впервые в жизни им страшно: ведь небо того и гляди рухнет на головы!

«Тевтатес! О Тевтатес!..» — в отчаянии умоляют они покровителя своего племени, того, к кому взывают при любой опасности — будь то война, эпидемия, голод... Сможет ли добрый Тевтатес унять гнев Тараниса — всемогущего владыки небесного огня, которого жрецы могут умилостивить только жертвами, сжигаемыми заживо?

Даголитос и Эпоредакс замечают, что окружающие их скалы вдруг приобрели странные очертания и уподобились грозным чудовищам, готовым вот-вот пуститься в бешеный пляс. Воины сразу вспомнили рассказы отцов: о пастухе, окаменевшем вместе со своим стадом, о кельтском богатыре, который сражался в одиночку против целого войска три дня и три ночи и лишь после этого пал в неравном бою. Говорят же, что два пика, виднеющиеся в тумане,— это рога его шлема.

Но и Таранис, несмотря на свою мрачную славу, не столь уж безжалостен. Он почти исчерпал запас молний. Его колесо удаляется: раскаты грома звучат все глуше. Воспользовавшись затишьем, галлы устремляются к лесу, где, укрывшись под деревьями, чувствуют себя в безопасности.

Гнев бога мало-помалу остывает. На его лице появляется даже намек на улыбку: он доволен, что сумел вновь показать свою силу и преподать жестокий урок этим чересчур смелым галлам. Не скоро еще люди отважатся на подобное приключение! Священная гора по-прежнему останется для них недоступной и неприкосновенной, как и большинство горных вершин в стране.

В лесных чащах Арденн правит богиня Ардуинна, восседающая на свирепом кабане, а в лесах Вогезов царит божество Восегус. Эти гористые области, как и все другие места, где земля словно сходится с небом, пользовались у галлов особым уважением и почитанием.

Ослепительная вспышка молнии прорезает небо...

Священная омела

Сегодня, на шестой день после новолуния, на небе красуется узкий золотой серп молодого месяца. Накануне землю слегка припорошило снегом, редкие хлопья падают и сейчас. Спасаясь от холода, мужчины надели плащи, накинули на головы капюшоны и потуже затянули штаны на щиколотках. Женщины зябко кутаются в яркие накидки из грубой шерсти...

Несмотря на непогоду, люди из племени арвернов пришли на встречу, назначенную друидом Тевтоматосом. Все охотно откликнулись на его зов: и богачи со своим окружением — клиентами*, и самые бедные крестьяне с женами.

Процессия трогается в путь и покидает деревню. Во главе ее — друид, которого легко узнать по белому одеянию. Только он знает дорогу к богам, и все доверчиво следуют за ним без лишних вопросов. Временами он произносит молитвы, но слова их тут же растворяются в морозном воздухе, и люди продолжают идти в полном молчании... Вслед за друидом тяжело бредут два молодых белых вола, на которых впервые надели ярмо.

Дорога к вершине плоскогорья становится все круче. На опушке Тевтоматос задерживается, поджидая отставших, а затем сворачивает в лесную чащу. Внезапно поднимается ветер, он с силой раскачивает ветви деревьев. Лес словно заговорил в ответ на слова друида! Впрочем, никто из тех, кто следует за Тевтоматосом, не сомневается, что ему знаком язык деревьев.

* Слова, отмеченные звездочкой здесь и далее, комментируются в Словаре на стр. 47.

По мере того, как галлы углубляются в лес, исчезает дорога — то последнее, что связывало их с привычным миром, с полями и деревнями... Когда они выходят на поляну, человек в белом подает знак рукой, и все останавливаются.

«Дерво!*» — восклицает он, указывая на старый зимний дуб с причудливо искривленными ветвями.

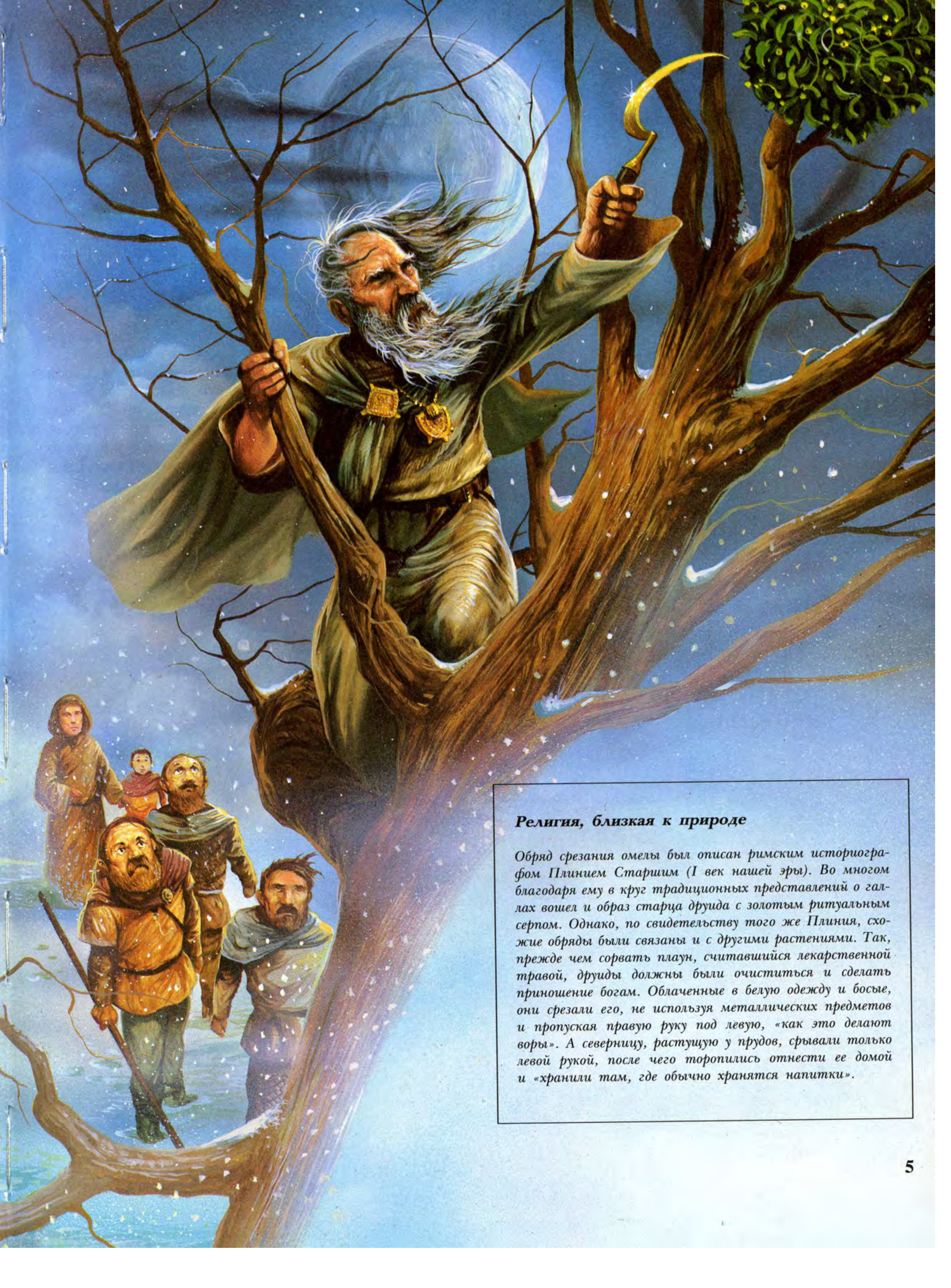
«Дерво!» — благоговейно повторяет за ним толпа.

На вершине дуба виднеется большая омела, похожая на зеленый шар. Друид привел свой народ к священному дереву, которое боги избрали для этого странного растения с мелкими белесоватыми ягодами. Оно не коренится в земле и цветет зимой, когда вся природа погружена в сон. Галлы верят, что омела, черпающая жизненные соки не из земли, и впрямь принадлежит к иному миру — миру богов и усопших. Вырастая на безжизненной ветке, она словно дает людям понять, что и смерть может порождать жизнь, а значит, существует и другой, загробный, мир, о чем неустанно напоминают друиды.

Толпа окружила дерево плотным кольцом. Тевтоматос с трудом забирается на нижний сук, а затем осторожно поднимается вверх, к верхушке дуба. Наконец он достает серп с тонким сверкающим лезвием из чистого золота. Торжественно пропев несколько молитв, он срезает омелу и бережно заворачивает ее в чистую ткань. Тем временем оба вола уже принесены богам в жертву...

Хлопья снега падают все гуще, в лесу смеркается. Люди спешат возвратиться в деревню, счастливые тем, что уносят с собой священную омелу.

Друид Тевтоматос срезает священную омелу.

Религия, близкая к природе

Обряд срезания омелы был описан римским историографом Плинием Старшим (I век нашей эры). Во многом благодаря ему в круг традиционных представлений о галлах вошел и образ старца друида с золотым ритуальным серпом. Однако, по свидетельству того же Плиния, схожие обряды были связаны и с другими растениями. Так, прежде чем сорвать плаун, считавшийся лекарственной травой, друиды должны были очиститься и сделать приношение богам. Облаченные в белую одежду и босые, они срезали его, не используя металлических предметов и пропуская правую руку под левую, «как это делают воры». А северницу, растущую у прудов, срывали только левой рукой, после чего торопились отнести ее домой и «хранили там, где обычно хранятся напитки».

Битва с деревьями

Двадцать пять тысяч солдат консула Постумия с опаской вступают в темный лес Литены на земле бойев — племени, живущего в Цизальпинской Галлии, на севере нынешней Италии. Римляне боятся лесистых мест, где нарушаются боевые порядки легионов и вражеская засада может застать их врасплох. Однако здесь нет другой дороги, кроме тропы в теснине между склонами, поросшими могучими елями.

Солдаты Постумия опасаются недаром. Галлы и в самом деле устроили им коварную ловушку. По обе стороны тропы они заранее подрубили несколько рядов огромных деревьев, причем малейшего толчка было достаточно, чтобы они упали на головы захватчиков.

Когда основные силы римлян оказываются в теснине, бойи, спрятавшиеся на высотах, толкают стоящие рядом ели. Падая, они валят за собой соседние, растущие ниже... Целый лес с ужасающим грохотом обрушивается на римскую армию.

Бежать было некуда, и большинство солдат раздавлены деревьями насмерть или получили тяжелые увечья. С дикими воплями галлы окружают их со всех сторон. В знак презрения к смерти на многих лишь золотые торквесы* и браслеты. Пестрые щиты прикрывают нагие тела, для устрашения разрисованные яркими красками... Один их вид наводит ужас на уцелевших римлян, которые гибнут почти без сопротивления. Только Постумий еще мужественно отбивается от нападавших, но в конце концов сражен и он. Торжествуя победу, бойи уносят тело римского полководца в свой оппидум*. Его череп, оправленный в золото, станет позже сосудом для возлияний на ритуальных церемониях. Что касается добычи, то галлы еще перед битвой дали обет принести ее в дар своему покровителю Тевтатесу. Они уносят в уединенное место все трофеи и прежде всего оружие и украшения. Это священный клад, и горе тому, кто посмеет прикоснуться к сокровищам богов!

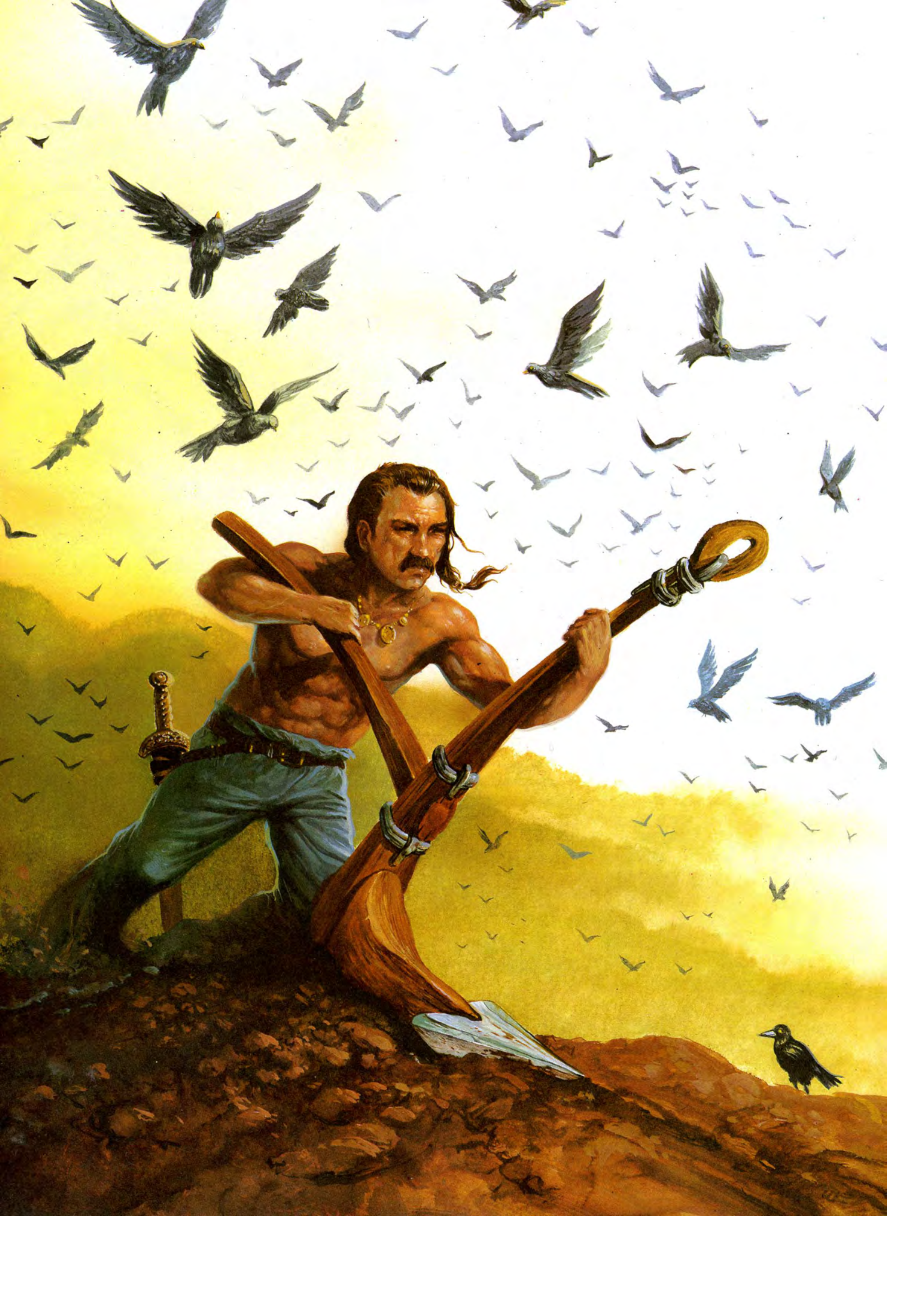
Лес снова спас галлов. Он и впредь будет служить им надежным убежищем, особенно во времена походов римского полководца Цезаря (I век до нашей эры) — будь то безбрежные леса Центральной Европы, переход через которые занимал два месяца, или лес на берегах Мозеля, приютивший целый народ — племя тревиров. Скрываясь в непроходимых чащах, галлы жили там, питаясь плодами и дичью.

Проклятый лес

«На побережье Средиземного моря, в Южной Галлии, есть священный лес, куда с незапамятных времен не отваживаются заходить люди. Его покинули даже дикие звери, и птицы не садятся там на деревья, которые не раскачиваются от ветра. Лучи солнца не проникают сквозь густую листву, поэтому в лесу постоянно царит ледяной мрак. По преданию, каждое дерево здесь полито человеческой кровью... Таинственные тени скользят меж замшелых стволов, чудовищные змеи обвиваются вокруг ветвей, из родников течет черная вода... Порой, когда содрогается земля, из пещер раздается ужасный рев, и всегда склоненные тисы внезапно распрямляются... Иногда по ночам над лесом полыхает странное зарево, как от гигантского пожара, но наутро не остается никаких следов, и лес стоит, как и прежде... Ни одна дорога не проходит мимо этого опасного места, ибо тех несчастных, которым встретится на пути «Хозяин» этого проклятого леса, ждут самые страшные беды!..»
Этот рассказ римского поэта Лукана (I век нашей эры) свидетельствует об ужасе, который леса внушали римлянам. Для галлов, напротив, леса были спасительным убежищем. Именно там находилось их главное святилище «неметон» — священная поляна, место встречи людей и богов.
Растущие в одиночку деревья-гиганты, внушающие особое почтение своим величественным видом, нередко использовались для культовых ритуалов. Деревья, корни которых уходили далеко в глубь земли, а вершины касались небес, в представлении древних людей объединяли между собой подземный мир и божества. У галлов они были символом самой жизни, предопределявшим и смену времен года. Ведь каждую зиму эти великаны как бы умирали, чтобы возродиться весной еще более высокими и могучими.

Бежать было некуда, и большинство римских солдат погибло под завалами из деревьев.

Вороны — божественные судьи

Кому достанется рой пчел, опустившийся на старый вяз? Горшечник Аудагос утверждает, что дерево принадлежит ему, а кузнец Матуценос говорит, что ветви вяза простираются и над его лугом. Каждый из них отстаивает свои права, но в конце концов оба решают обратиться за помощью к друиду...

Мудрец назначил горшечнику и кузнецу встречу на рассвете под столетним дубом, где он обычно вершил правосудие... Ранним утром Аудагос и Матуценос явились туда в сопровождении толпы любопытных.

Друид приказал всем отойти на некоторое расстояние. На ветвях дерева он подвесил «доску истины» и на ее концы высыпал горсть печений: на правый — печенья, принесенные горшечником, на левый — печенья кузнеца. Затем он выпустил из клетки двух воронов, в оперении которых было несколько белых перьев. Галлы считали это бесспорным божественным знаком. Крылья птиц слегка подрезаны для того, чтобы они не могли улететь. Едва они поднимаются в воздух, как, теряя равновесие, падают вниз.

Время идет... Друид, подобный белому изваянию у подножия дуба, невозмутимо ждет. Людей становится все больше, и они мешают священным птицам покинуть круг тени, отбрасываемой на землю густой листвой...

Один из воронов, подпрыгивая, приближается к доске. Кузнец и горшечник с тревогой наблюдают за ним. Заметил ли он печенья? К какому концу направится? Похоже, однако, что его совсем не привлекает угощение... И вдруг, когда этого уже никто не ожидал, ворон, неловко взмахивая крыльями, набросился на печенья Матуценоса и разбросал их мощными ударами клюва: боги вынесли решение! Пчелиный рой останется за горшечником.

Кельты считали воронов, да и вообще всех птиц, спутниками богов, их вестниками. Упоминаются вороны и в предании об основании города Лиона.

Лион — Вороний холм

Два галльских князя — Моморос и Атепомарос — едут верхом во главе странной процессии. За ними — шумная и многоликая толпа, в основном молодые люди. Волы тянут повозки, нагруженные скарбом и продовольствием. Галлы отправились в долгий путь в день весеннего равноденствия и с тех пор неутомимо следуют вперед, направляемые друидами и прорицателями.

Толпа и обоз приближаются к месту слияния двух рек — Роны и Соны. Здесь очень красиво, долины широки и плодородны. Моморос и Атепомарос решают сделать привал, чтобы получше осмотреть окрестности. К тому же люди устали и надо дать им немного отдохнуть.

Галлы быстро разбивают стоянку и после скромного ужина погружаются в глубокий сон. Бодрствуют только друиды и прорицатели, пытаясь узнать волю богов... Утром они возвестили: холм, возвышающийся на западе, у слияния рек,— место для основания города. Его легко оборонять: отсюда хорошо просматривается долина и, наконец, он спасает от сырости — спутницы речных потоков.

Как велит обычай, Моморос берется за рукояти плуга. Он собирается очертить священную территорию будущего города. Когда он устанет, его сменит Атепомарос. Деревянный плуг с железным наконечником взрезает землю, оставляя на ней борозду. Это торжественный момент. Друиды стремятся угадать малейшие признаки воли богов... И тут из-за холма вылетает большая стая воронов. Тысячи птиц с громким карканьем кружатся над галлами... Но князья не прекращают работу. Черная стая опускается все ниже и вдруг, словно повинуясь таинственному приказу, садится как раз на линии, очерченной плугом. Усмотрев в этом нечто сверхъестественное, Моморос и Атепомарос решают назвать новый город Лугдунум — «Вороний холм». Теперь это город Лион.

Загадочный бог Луг

Слово «луг», означавшее по-галльски «ворон», было также именем великого кельтского бога света, в честь которого ежегодно устраивались празднества в середине лета — 1 августа. Можно, конечно, удивляться тому, что одно и то же слово означало и ворона с черным, как сажа, оперением, и свет. Однако не следует забывать, что вороны издревле считались ночными спутниками солнца.
Бог Луг — родоначальник всех искусств и ремесел — особенно почитался у кельтов, людей упорных и трудолюбивых... В Ирландии, в средневековых легендах кельтского происхождения, его чертами наделялись герои — искусные работники, что называется, мастера на все руки.

Сокровище Цернунноса

Охотники так и замерли: на поляне перед ними появился величественный исполинский олень, голову которого украшали великолепные рога.

«Хозяин леса!»

Галлы узнали его по полосе светлой шерсти в виде полумесяца. Это старый отшельник, который, по слухам, появляется лишь один раз в тридцать лет, тот неуловимый олень, о котором старики любят рассказывать, когда к концу пира развязываются языки и на память приходят бесконечные охотничьи истории.

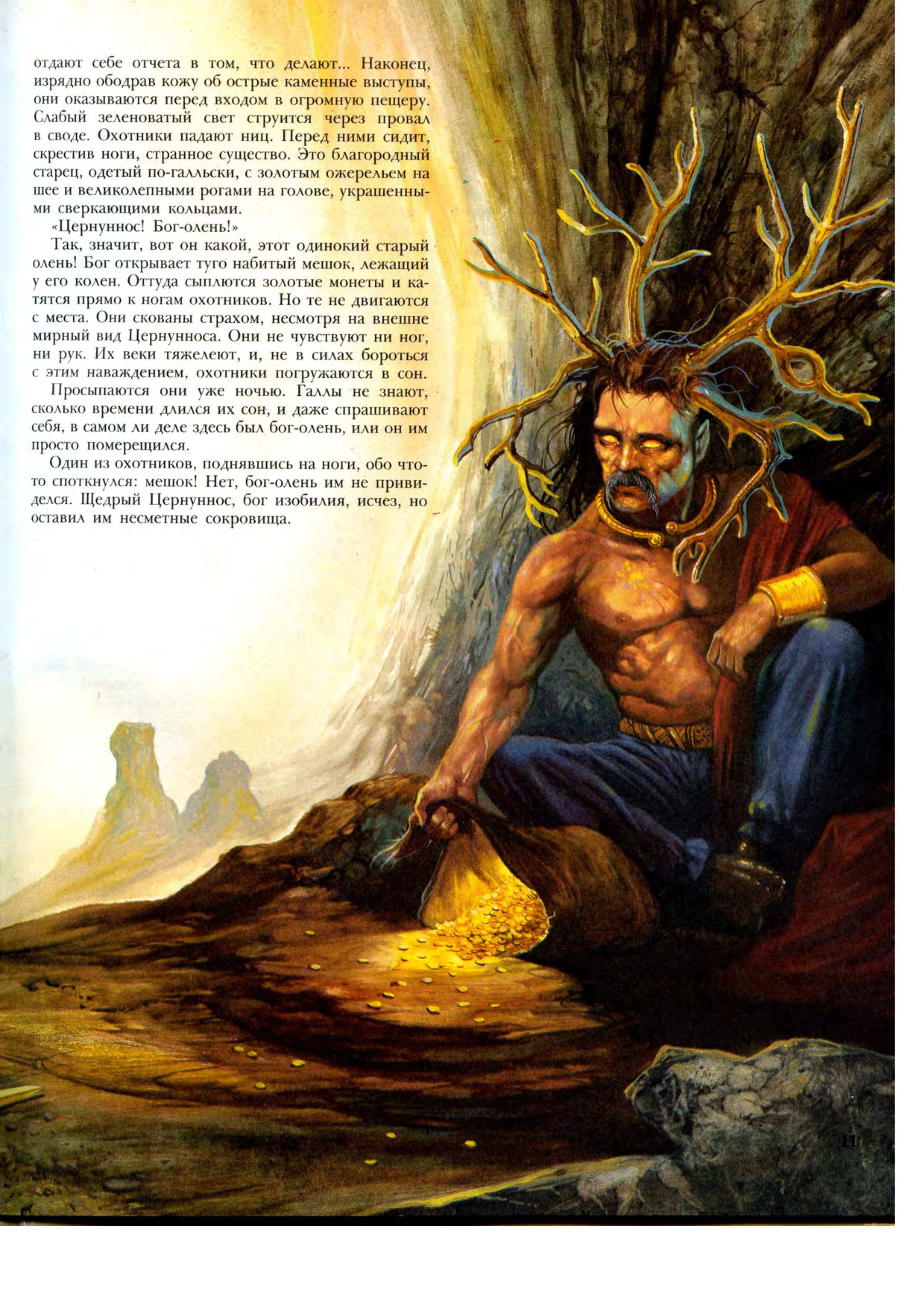
Но почему он застыл в столь торжественной позе? Неужели не учуял людей? Олень шевелит ухом, медленно поворачивает голову. Он смотрит прямо на охотников. Затем не торопясь, с достоинством, подобающим его росту, делает несколько шагов, разгоняется и одним мощным прыжком перемахивает через заросли.

Опомнившись от удивления, галлы собрались было вернуться в деревню и рассказать о своем необычайном приключении. Их остановил протяжный рев. Видимо, олень недалеко. Охотники бросаются на его поиски. Вот бы его поймать! Они уже предвкушали, с каким восторгом и изумлением их встретят в деревне, если они приведут с собой Хозяина леса!

Невдалеке они вновь замечают оленя, который, подняв голову, гложет ветки. Похоже, он поджидает их. Но едва они приближаются, как олень спокойно и величественно возобновляет свой бег. Один, два, двадцать раз подпускает он людей на расстояние полета копья — и снова от них ускользает. Галлы начинают сердиться: матерый зверь явно насмехается над ним! Преследование продолжается, и в конце концов олень прижат к подножию скалы. Теперь-то уж они его не упустят! Изо всех сил они бросают дротики... Но они ломаются, ударяясь о камни. В последний момент олень исчезает в скрытой плющом расселине скалы. Видя, что их опять провели, галлы в ярости хватаются за мечи и устремляются к расселине. Вскоре они попадают в кромешную тьму. Продвигаться приходится на ощупь. Быть может, напрасно они так упорствуют? Уж не вторгаются ли они в жилище какого-то подземного божества? Что из того? Желание их так велико, что они уже не

Галлы склоняются перед богом-оленем.

отдают себе отчета в том, что делают... Наконец, изрядно ободрав кожу об острые каменные выступы, они оказываются перед входом в огромную пещеру. Слабый зеленоватый свет струится через провал в своде. Охотники падают ниц. Перед ними сидит, скрестив ноги, странное существо. Это благородный старец, одетый по-галльски, с золотым ожерельем на шее и великолепными рогами на голове, украшенными сверкающими кольцами.

«Цернуннос! Бог-олень!»

Так, значит, вот он какой, этот одинокий старый олень! Бог открывает туго набитый мешок, лежащий у его колен. Оттуда сыплются золотые монеты и катятся прямо к ногам охотников. Но те не двигаются с места. Они скованы страхом, несмотря на внешне мирный вид Цернунноса. Они не чувствуют ни ног, ни рук. Их веки тяжелеют, и, не в силах бороться с этим наваждением, охотники погружаются в сон.

Просыпаются они уже ночью. Галлы не знают, сколько времени длился их сон, и даже спрашивают себя, в самом ли деле здесь был бог-олень, или он им просто померещился.

Один из охотников, поднявшись на ноги, обо что-то споткнулся: мешок! Нет, бог-олень им не привиделся. Щедрый Цернуннос, бог изобилия, исчез, но оставил им несметные сокровища.

Жеребенок Эпоны

Весеннее солнце освещает долину, легкий ветерок шелестит листвой тополей. Белая кобылица пьет воду из ручья, а маленький жеребенок скачет вокруг матери. На ее спине — грациозная наездница в длинном платье с короткими пышными рукавами. Ее волосы, разделенные прямым пробором, собраны на затылке в пучок. Несколько выбившихся при быстрой езде прядей падают ей на лоб. Прекрасная всадница, глядясь в воду, как в зеркало, поправляет прическу... Жеребенок, которому надоело бегать, сосет материнское молоко...

Неслышно, опасаясь спугнуть чудесное видение, подошли работавшие поблизости крестьяне. Улыбка освещает их лица, когда они узнают Эпону — богиню, скачущую верхом на кобылице. Она остановилась на их поле — значит, будет богатый урожай!

«Поймаем жеребенка Эпоны,— предложил крестьянам известный своей хитростью Нертовир,— и мы обеспечим себе каждый год полные закрома, а скот будет здоровым и тучным...»

Сбегав в соседнюю деревню, он поднял на ноги всех мужчин. Захватив сети для ловли кабанов, они вернулись на луг, который еще не покинула божественная всадница. Окружив поле, крестьяне очень медленно, почти ползком, приближаются к кобылице. Обнаружив западню, Эпона ударяет пятками лошадь, и та пускается в галоп. Галлы с воплями кидаются к жеребенку, щипавшему поодаль траву. Бедняжка пытается убежать, но его со всех сторон накрывают сетями. Жеребенок запутывается в конопляных петлях, брыкается, бьется в отчаянии. Но людям удается стреножить его. Надежно опутанного веревками, жеребенка Эпоны приводят в конюшню Нертовира. Дверь для прочности укрепляют брусьями.

Среди ночи Нертовира разбудил лай собак. Он поспешно встает и выходит из дома. На улице он встречает соседей, также встревоженных подозрительным шумом. Кому-то привиделась тень белой лошади и ее всадницы, скользнувшая между хижинами. Они сразу же подумали об Эпоне и направились к конюшне. Дверь по-прежнему была плотно закрыта, на месте оказались и брусья. Успокоенные, все расходятся по домам.

Когда наутро Нертовир пришел покормить жеребенка, то с изумлением увидел, что конюшня пуста. Тот вырвался на свободу через большую дыру в дальней стене. Выходит, таинственной всадницей, появившейся в ту ночь в деревне, действительно была Эпона. Нертовир сожалеет о своей безумной затее. Он опасается теперь мести богини, жеребенком которой хотел завладеть.

Эпона

Эпона — богиня, скачущая верхом на кобылице, была, пожалуй, наиболее почитаемой в сельской Галлии. Ее изображения украшали конюшни, которые она оберегала. Считалось, что от Эпоны, покровительницы всех крестьянских работ, зависят богатые урожаи и плодовитость скота. Поэтому она всегда виделась в воображении людей с рогом изобилия или корзиной с плодами в руках. Эпона, кстати, оказалась единственным галльским божеством, которое было воспринято римлянами.

Эпона видит, как галлы ловят ее жеребенка.

Змеиное яйцо

Прежде чем покинуть землю арвернов, Эсугенос, одетый во все белое, сделал приношение богам. Он отправился в загадочное путешествие, о цели которого никто не знал. Люди, конечно, задаются вопросами. Быть может, он отправился на встречу друидов Галлии, которые каждый год собираются на земле карнутов? Но обычно она проходит в другое время года. Да и зачем бы ему скрывать это? А может, его путь лежит в Британию, где находится главное святилище кельтского мира? Все с нетерпением ждут возвращения и рассказов друида.

А Эсугенос тем временем все больше удаляется от родных мест. Он едет лишь по ночам, сверяя направление по великой небесной книге. Сначала он двигался на север, ориентируясь по звезде, вокруг которой, видимо, вращаются все остальные. На земле племени битуригов ему повстречались вооруженные отряды: ее жители ведут войну со своими соседями — эдуями. Друида это не тревожит — благодаря своему высокому сану он повсюду в безопасности.

Эсугенос проехал уже много лье (старинная мера длины, равная 4,5 километра), пересек земли разных племен, повидал многие народы... Но вот, наконец, он оказался в глухих, безлюдных местах. На опушке леса он соорудил шалаш и стал терпеливо ждать новолуния...

С его наступлением Эсугенос верхом на коне углубляется в лес. С трудом продвигается он вперед: ему мешают и ветви деревьев, тесно переплетенные между собой, и густой подлесок. В этот знойный летний день кажется, будто вся жизнь замерла. Не поют птицы, не жужжат насекомые, даже легкий ветерок не играет листьями. Молчат и звери. Природа как бы погрузилась в глубокий сон.

Друид спешивается и внимательно прислушивается. Кажется, он уловил необычный звук, отдаленное, еле слышное шипение. Теперь он знает, что достиг цели своего путешествия, а быть может, и конца своей жизни. Он берет в руку белый сейон* и осторожно, но решительно идет на шум. Его конь послушно следует за ним... Внезапно Эсугенос вздрагивает: перед ним переливается на солнце сероватая масса, огромный клубок гадюк — змей толщиной в руку. Они переплелись так тесно, что их и счесть невозможно. Копошащаяся масса издает невыносимо пронзительное шипение. Друид тихо молится, ни на минуту не сводя глаз с гадюк... В середине этого грозного клубка появляется беловатый шар величиной с яблоко, хрящеватый на вид. Это и есть змеиное яйцо — волшебный талисман, за которым приехал Эсугенос. Друид осторожно подходит еще ближе. Затаив дыхание, он ждет. Яйцо мало-помалу поднимается над головами змей. Вот оно поплыло по воздуху, как бы удерживаемое их дыханием. Оно парит все выше и выше, то опускаясь, то поднимаясь вновь...

Эсугенос готов: он держит перед собой сейон, куда положит вожделенное яйцо. Шипение усиливается: яйцо достигло вершины молодого бука. Момент настал — друид устремляется вперед и хватает его. С удивительной для человека его возраста ловкостью он вскакивает на коня и уносится прочь.

Клубок змей, казавшийся столь запутанным, распался в одно мгновение, и гадюки бросаются вдогонку за похитителем. Позади, все ближе и ближе, Эсугенос слышит зловещее шипение. Не оборачиваясь, друид подгоняет своего коня, подбадривает его. Как ускользнуть от разъяренных гадюк? Лес слишком густой, конь то и дело замедляет бег. Только чудо может спасти друида.

«Тевтатес!» — Друид в отчаянии призывает на помощь бога. Змеи вот-вот настигнут его. Просвет между деревьями позволяет ему оторваться от пого-

Сумеет ли друид ускользнуть от гадюк?

ни. Лесная чаща становится все зеленее и прохладнее. Радостный крик вырывается у всадника. Он заметил ручей. Конь преодолел его одним прыжком. Их спасение — на другом берегу. Змеи останавливаются перед этим потоком: здесь кончаются их владения.

Эсугенос треплет по шее коня. Он спешивается, чтобы обмыть его ноги, израненные колючками и сучьями. Потом он разворачивает белый сейон, который прижимал к себе во время стремительного бегства. Наконец-то он может рассмотреть свое сокровище: змеиное яйцо! Он осторожно берет его, опускает в ручей. Яйцо плывет против течения. Да, это то самое чудесное яйцо, которое приносит обладателю волшебную силу!

Фантастические животные

В галльской мифологии встречаются фантастические животные, о происхождении которых можно лишь догадываться.
С какими волшебными сказками связаны трехрогие быки и кабаны, известные по нескольким изображениям? У кельтов, как и у многих других народов, число три было священным. Найдено несколько статуй трехглавых, или трехликих богов. Что это, один и тот же бог в трех видах? Возможность смотреть во все стороны одновременно? Умножение мощи божества путем умножения его образа или символ его силы?

Бык с тремя журавлями

Этот бык, самое известное изображение которого находится на «стеле лодочников» — найденном в Париже памятнике галло-римской эпохи,— скорее всего связан с каким-то неизвестным нам галльским мифом. Ирландская легенда кельтского происхождения повествует о священном быке, за которым гнался герой, могучий как Геркулес. Три богини, обернувшись птицами, прилетели к быку, чтобы предупредить его о приближении врага. Так вот, этот «бык с тремя журавлями» всегда изображается в сопровождении бога Эсуса, вооруженного топором или серпом с длинной рукояткой. Не исключено, что существует какая-то связь между ирландской легендой и галльскими изображениями «быка с тремя журавлями».

Змей с головой барана

Самое странное животное, оставленное нам в наследство кельтами, которое не встретить ни в одной другой древней мифологии,— это змей с бараньей головой. Такое странное сочетание не может не заинтриговать. Известно, что баран был защитой от порчи и сглаза. Его голова с загнутыми рогами нередко украшала подставки для дров в очагах. Змей тоже считался благодетельным животным, но соединение этих столь разных по внешнему виду существ продолжает оставаться для нас загадкой, несмотря на множество гипотез, выдвинутых историками.

Найден ли «волшебный котел»?

Котел использовался в религиозных обрядах народов, населявших Галлию до прихода кельтов. Галлы переняли их обычаи, и греческий историк и географ Страбон (I век до н. э.— I век н. э.) сообщает нам, что кимвры, народ, ассимилированный кельтами, преподнесли императору Августу свою величайшую святыню — волшебный котел! В легендах кельтского происхождения нередко говорится об этих сказочных котлах — то как о чанах для жертвоприношений, то как о воскрешающих купелях. Использовались они и для приготовления странных снадобий. Так, в Уэльсе жена короля Тегида Воэля варила в священном котле один год и один день напиток, даривший тем, кто его отведает, способность предвидеть будущее.
Возможно, один из таких «волшебных котлов» найден. В 1880 году в торфянике на территории Дании был обнаружен удивительный серебряный сосуд, датируемый первым веком до нашей эры. Это так называемый котел из Гундеструпа. Диаметром в 70 см и высотой в 40 см, он украшен изнутри и снаружи множеством удивительных изображений человекообразных существ и фантастических животных. Мы узнаем Цернунноса, галльского бога с оленьими рогами; Тараниса, бога-громовержца с его колесом; змея с бараньей головой... Смысл изображенных сцен, видимо мифологических, остается неразгаданным.

Почитаемые животные

Конь — помощник воина

Галлы чтили коня — самое благородное животное. В бою он несет на себе всадника, удесятеряя его силу. Между человеком и животным возникает теснейшая связь — они понимают и дополняют друг друга, как бы сливаясь воедино. Этот бесценный помощник воина занимает видное место в искусстве. Его стилизованное изображение, иногда увенчанное птицей, нередко встречается на монетах. А порой его изображают с человеческой головой. Такой кентавр отлично символизирует тесную связь между животным и его хозяином.

Кроме того, лошадь — мифологическое животное, везущее солнечную колесницу в дневное время суток. Таким образом лошадь приобщается к культу Солнца, и ее изображение проносят на носилках во время некоторых праздников.

Величие оленя

Население доисторической Галлии почитало оленя задолго до прихода туда кельтов. Его рога — природная корона — были знаком власти и украшали жилища вождей. Галлы позаимствовали этот культ у своих предшественников. Некоторые из них пришивали к одежде кружок, выпиленный из оленьего рога, как символ силы и долголетия.

На холме Граве, неподалеку от реки Марна, найдено захоронение оленя, погребенного вместе со сбруей, а это значит, что его запрягали. Отверстие в затылочной части черепа говорит о том, что он был принесен в жертву во время какой-то религиозной церемонии.

Постепенно галльский бог-олень принял человеческий облик и получил имя Цернунноса.

Другие животные — друзья человека

Помимо лошади и оленя, кельты почитали и многих других животных. Мы знаем об этом по многочисленным статуям, найденным при раскопках.

Собака — символ верности и незаменимый помощник охотника — пользовалась особым почетом. Она участвовала в ритуальных процессиях, во время которых на нее иногда надевали венок. Ее изображение на надгробных стелах означает, вероятно, что она охраняет последнее жилище хозяина, чей земной дом сторожила при жизни.

Похоже, что некоторые племена обожествляли корову под именем Дамоны. Гельветы и тревиры почитали богиню-медведицу Артио. Бык, часто изображавшийся художниками, также животное божественное. Его имя носят некото-

рые племена: тарбеллы (бычки), жившие в районе нынешнего Тарба, или таурины, населявшие Пьемонт. Подобно кабану, бык олицетворял буйную силу и плодовитость.

Змея также занимала важное место в верованиях кельтов. Она нередко изображалась рядом с богами. Как ни странно, но, несмотря на выделяемый смертельный яд, змее приписывали оплодотворяющую и целебную силу.

Галльский петух

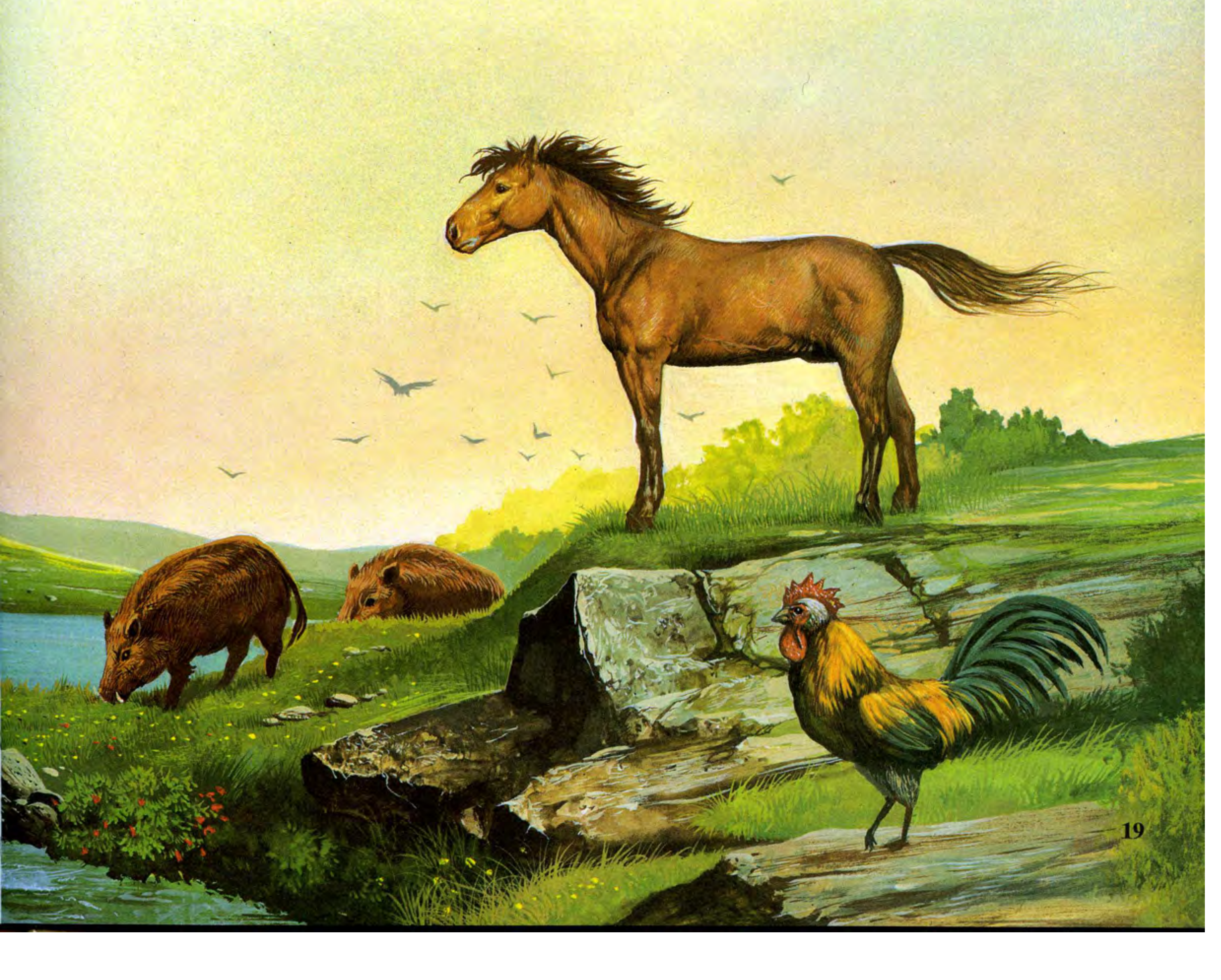
С начала XIX века галльский петух стал одной из эмблем Франции. Его изображение высечено на множестве надгробных памятников, он красуется на почтовых марках, монетах и майках французских спортсменов — участников международных состязаний. Однако в самой Галлии петух никогда не был предметом особого внимания, хотя до нас дошли его великолепные изображения.

Почему же именно петух был избран символом Франции? Повинны в этом римляне, ибо на латыни слово «галлус» означало одновременно и «галл», и «петух». Быть может, они считали, что петух происходит из Галлии? Или намекали на гордость галлов, имея в виду привычку петуха важно расхаживать по птичьему двору? Или же хотели напомнить о воинственном характере кельтов, ибо и эта черта присуща петуху?

Животные — союзники воинов

Облако пыли, сопровождаемое неясным шумом, поднимается на горизонте. Сомнения нет, это войско в походе. По мере его приближения шум нарастает. Все яснее видны силуэты всадников со сверкающим на солнце оружием. Воины в передних рядах высоко держат эмблему племени: это вздыбленный кабан — грозный, ощетинившийся, готовый к нападению. Прежде чем ринуться в схватку, многие галлы оглянутся на этого бронзового зверя, надеясь, что тот подарит им часть своей разрушительной силы. Многие воины носят на себе кабаньи клыки как защитные амулеты. Вожди же украшают свои шлемы различными рогами (тоже символ силы) или крыльями, с которыми они устремятся на врага, как хищная птица на добычу, когда карниксы протрубят атаку. Эти длинные трубы заканчиваются чудовищными головами; из их широко раскрытой пасти вырываются звуки, способные устрашить противника и обратить его в бегство...

Отправляясь воевать, галлы благодаря изображениям животных хотят обрести отличающие их способности — скорость, мощь, проворство.

Сказитель

Яркий огонь освещает деревенскую площадь. Несмотря на поздний час, здесь собралось большинство жителей. Неподвижно сидя на земле, они благоговейно слушают Дордовира. Прислонившись к стволу дерева, бард повествует неспеша глуховатым голосом, доносящимся как бы из глубины веков:

— Это было много лун назад...— Дордовир замолкает, устремляя взор к звездному небу, а затем продолжает свой рассказ: — В те далекие времена Амбигат был вождем племени битуригов. Эти гордые воины, считавшие себя царями мира, жили в центре Галлии, к северу от страны арвернов... Когда миновала зима, Амбигат собрал мужчин своего народа.

«Храбрые воины,— обратился он к ним,— наши поля каждый год приносят обильный урожай, недра нашей земли богаты железом. Боги благословили нашу страну... Но нельзя надеяться на то, что богатства эти неисчерпаемы. Настанет день, когда нас окажется слишком много... Не станем его дожидаться! За горизонтом простирается безграничный мир... Разве не отведали вы вкусных фиг, сочного винограда, божественного нектара, которые привозили нам прошлым летом купцы из-за гор, возвышающихся там, где восходит солнце? Не хочется ли вам увидеть благословенные страны, где растут эти восхитительные плоды? Кельты не оседают прочно на одном месте. Они странствуют издревле, а если порой где-то задерживаются, это вовсе не значит, что они не двинутся дальше».

Едва вождь закончил свою речь, как вперед вышли два его любимых племянника, Белловез и Сиговез:

«Ты говорил как мудрец, Амбигат. Завтра же мы отправляемся в путь. Пусть собираются те, кто хочет пойти с нами. А путь нам укажут боги!»

Ночью никто не сомкнул глаз. Едва рассвело, как две группы галлов покинули страну битуригов.

Белловез повел своих людей в Северную Италию, в те края, которые римляне стали называть Цизальпинской Галлией. Сиговез же направился в Центральную Европу.

Барды

Вожди галльских племен любили окружать себя бардами-сказителями, всегда готовыми воспеть им хвалу или прославить их военные подвиги. Настоящие волшебники, они умели захватить слушателей своими рассказами и развлекать гостей на пирах. История не сохранила нам имен кельтских бардов. Самый знаменитый из тех, кто нам известен, жил в Уэльсе в VI веке н. э. и звался Тальесин. Приписываемое ему наследие состоит из поэм, относящихся к столь различным эпохам, что вызывает сомнения в реальности его существования. Его имя окружено легендами, повествующими о многих его приключениях. Захваченный пиратами, он жил среди ирландских гаэлов, потом бежал и вернулся в родной Уэльс. Назначенный главным бардом короля Уриена, Тальесин неустанно прославлял его дела и подвиги. Обращенный в христианство святым Давидом, он бывал и при дворе легендарного короля Артура. Возле уэльского городка Махинлет еще и сегодня показывают «его» могилу — курган, окруженный двумя рядами камней. В этих местах есть поверье, что тот, кто проведет на нем ночь, проснется утром либо поэтом, либо безумцем. Преследуемые в Галлии римлянами, барды еще долго существовали в Уэльсе, и только в 1284 году король Эдуард IV окончательно упразднил должность придворного барда!

Дордовир умолк. Слышится только потрескивание догорающих поленьев. Вдали ухает сова. Не прибавив ни слова, бард удаляется. Его слушатели тоже встают и расходятся по домам.

В теплое время года Дордовир каждый вечер рассказывает какой-нибудь эпизод из истории и жизни кельтов. Он говорит об их постоянных переселениях, нескончаемых войнах, которые они вели. Повествует он и о чудесных приключениях героев, которые благодаря своим подвигам стали равны богам!

Кельты без колебаний отправляются в неизведанные края.

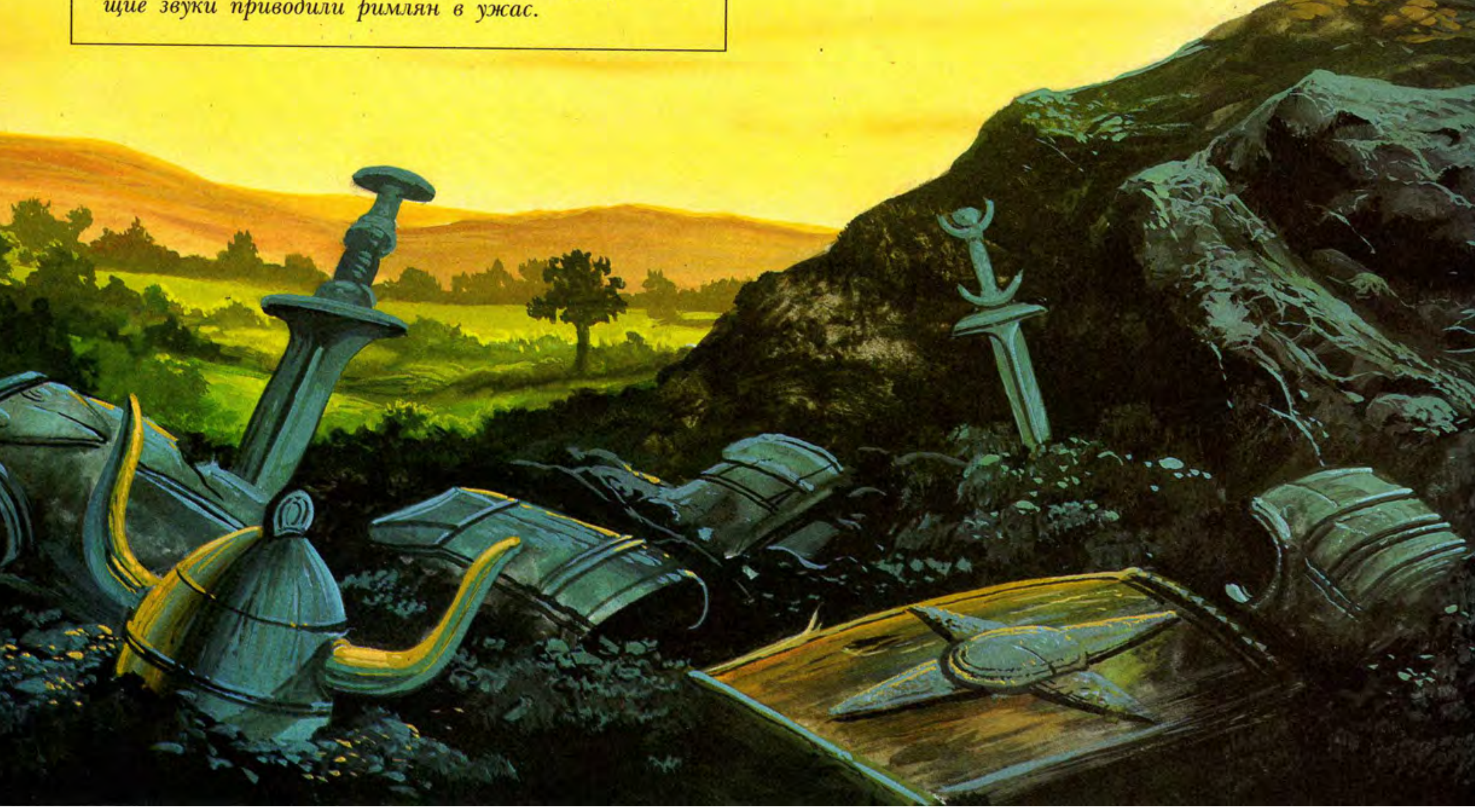
Чародей Огмиос

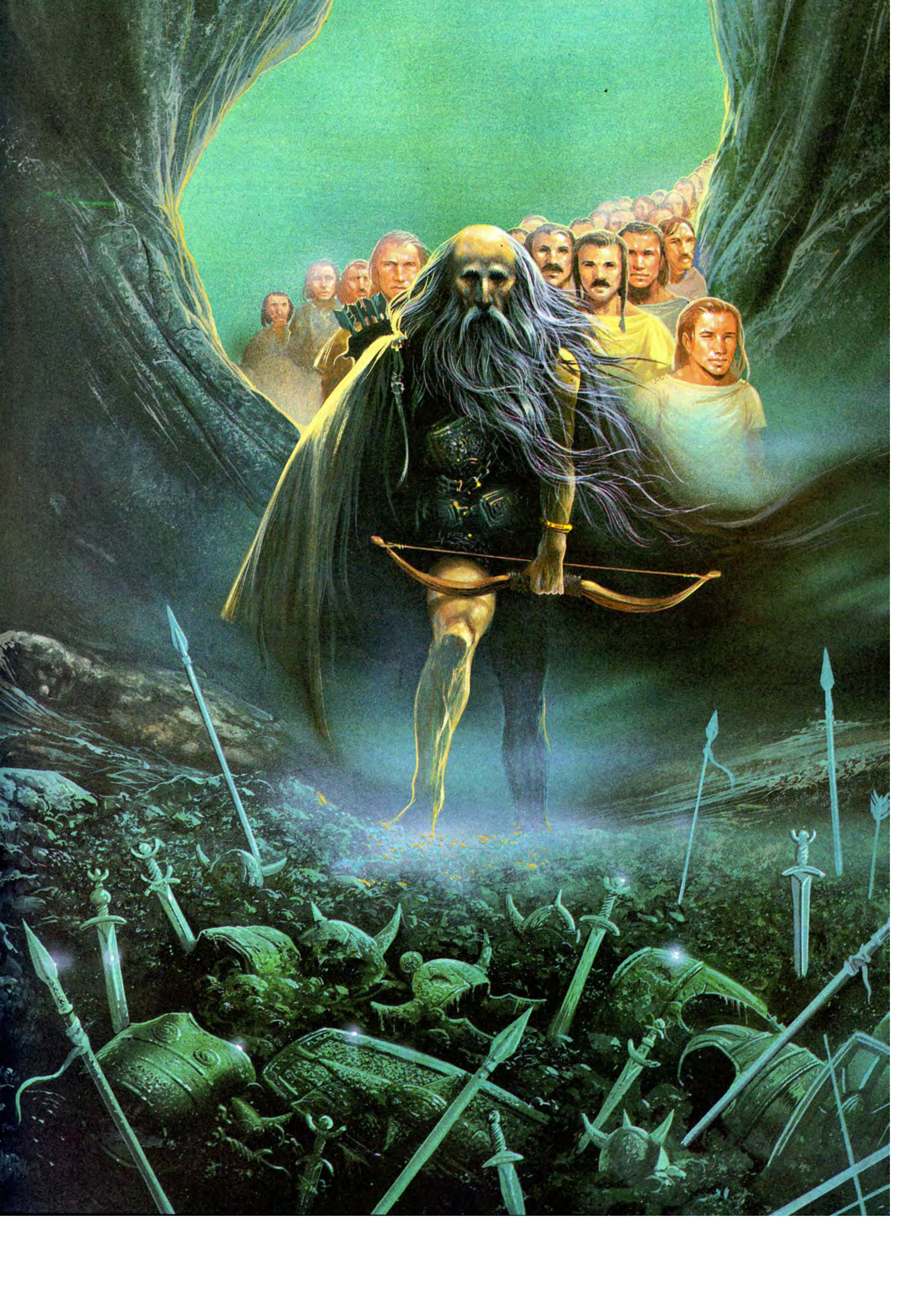
По морщинистому лицу, согбенной спине, лысеющей голове, редким седым волосам, развевающимся по плечам, видно, что этот человек близок к завершению жизненного пути. Одетый в львиную шкуру, с колчаном на плече, он держит в правой руке палицу, а в левой — лук. Он идет, а за ним следует толпа молодых людей. Странное дело: все они привязаны за ухо золотой цепочкой к пронзенному языку старца. Никто из них не пытается бежать, напротив, они испытывают восторг и явно уважают своего вождя... Этого странного человека зовут Огмиос. Он бог красноречия, чародей, властитель слов, умеющий очаровать и подчинить окружающих — так велика сила убеждения, звучащая в его голосе. Стрелы в его колчане символизируют остроты, удачные реплики, меткие ответы, способные озадачить, поразить собеседника. Преклонный возраст бога — признак мудрости — напоминает о том, что искусство красноречия приобретается медленно и дается лишь долгими годами опыта. А потому тот, кто им лучше владеет, обладает и большей властью. Рассказывают, что друиды могли в разгар сражения встать между войсками и одной только силой слова заставить их прекратить битву!

Сила слова

Галльская цивилизация отводила слову очень важное место. Свои премудрости друиды передавали только из уст в уста, всячески предостерегая от опасности, которую таит в себе письменность. Главное место в религиозных обрядах галлов занимали заклинания. Для того, чтобы они возымели свое магическое действие, их нужно было произносить в соответствии со строгими правилами, ибо форма значила не меньше, чем содержание. Ритм, размер, интонация подкреплялись строго установленными жестами, дабы придать грозную власть и самим словам, и тем, кто им внимает.
В бою галлы всегда нападали с дикими воплями, под пронзительные звуки труб и рогов. Эти устрашающие звуки приводили римлян в ужас.

Старый Огмиос обладает великой властью!

Запретный остров

Криксос не может понять, каким образом он очутился в такую непроглядную ночь в открытом океане, да еще в бурю. Как обычно, он отправился после полудня на рыбную ловлю в устье Луары. Погода была хорошая, солнце жаркое, легкий ветерок с моря приносил свежесть. Словом, отличная погода для отдыха... Криксос и в самом деле крепко заснул.

Который теперь час? Где он находится? Определить это невозможно, ибо звезды закрыты тучами. Галл спрашивает себя, сколько еще времени его лодка сможет выдерживать натиск волн.

Попав в столь тяжелое положение, Криксос даже не знает, к какому богу взывать. У галлов — людей сухопутных — нет великого морского бога. Да и кто услышит его молитвы в таком грохоте? Бедный рыбак из всех сил цепляется за борт своего суденышка, опасаясь, что оно опрокинется с минуты на минуту.

Внезапно, сквозь завывания ветра, Криксосу почудились крики чаек. В нем оживает надежда. Уж не приближается ли он к берегу? Он всматривается в ночную тьму, но мрак непроницаем. Лишь когда его лодка разбивается о скалу, он понимает, что достиг земли.

Изнуренный, вымокший, но счастливый тем, что остался жив, галл пускается на поиски жилья. В конце концов он замечает вдали огонек и направляется к нему.

Поднявшись на вершину холма, Криксос останавливается как громом пораженный. Он видит, как внизу женщины с распущенными волосами, испуская нечеловеческие, леденящие душу вопли, пляшут вокруг деревянного, крытого соломой храма.

«Это намнеты, жестокие жрицы! Я попал на их остров!»

Криксос часто слышал рассказы о загадочной земле, запретной для людей с материка. Об этом острове ходит столько ужасных слухов, что ему хотелось бы бежать отсюда без оглядки. Но как? Лодки у него больше нет, а уже светает. Его вот-вот обнаружат. Он прячется в зарослях. Оттуда он сможет наблюдать, сам оставаясь незамеченным.

Танцы внизу прекратились. Жрицы неподвижно стоят спиной ко входу в храм. Их взоры устремлены на восток в ожидании восхода солнца.

С другого края острова раздается протяжный призыв. Это и есть долгожданный сигнал. Жрицы устремляются к храму, но вместо того, чтобы войти в него, хватают лестницы и поднимаются на крышу. Криксос сразу вспоминает рассказы о странном обряде, совершаемом намнетами один раз в году. В день весеннего равноденствия они снимают со своего храма крышу, но должны уложить новую еще до захода солнца. И горе той неумехе, которая во время этой работы что-либо уронит на землю: безжалостные подруги набросятся на нее и тут же предадут смерти!

Испуганный Криксос увидел жестоких намнет.

Жрицы трудятся наверху храма, снимая с него соломенную кровлю. Старую солому они кидают в огонь. Затем разбирают стропила — это просто переплетенные ветки. Время от времени они утоляют жажду напитком из большого священного котла.

Криксоса, сидящего в укрытии, тоже мучает жажда. Все суставы у него онемели, но он не смеет пошевелиться, чтобы не выдать своего присутствия.

Солнце достигло зенита. Дело уже значительно продвинулось. Старые ветки, брошенные в огонь, заменены свежесрезанными. Остается, однако, самое сложное: уложить новую солому.

Жрицы начинают с нижней части крыши. Они укладывают охапки соломы и связывают их рядами с ловкостью, восхищающей Криксоса, нередко наблюдавшего за работой кровельщиков у себя в деревне. С особым старанием трудятся они над коньком крыши, обмазывая его толстым слоем глины — чтобы сильные ветры не унесли солому...

Солнце медленно опускается в океан. Жрицы скрываются в храме, украшенном новенькой крышей. Пользуясь моментом, Криксос покидает заросли и возвращается на берег. Ему удалось найти какую-то лодку, и он с радостью оставляет далеко позади запретный остров...

На островах в океане живут, подобно намнетам, и другие жрицы. Самые знаменитые из них — девять дев с острова Сен у побережья Арморики, которые, по слухам, могут вызывать бурю и поднимать ветер. Могут они и превращаться в различных животных. Они предсказывают будущее, и, желая узнать его, люди приходят к ним издалека.

Такие же жрицы живут и на острове Мона (возможно, это остров Англси у побережья Уэльса). Римские писатели рассказывают о галльской жрице, предсказавшей Диоклетиану, что он станет императором; другая жрица предсказала смерть императора Александра Севера.

Замужество Гиптис

Необычное оживление царит вокруг большого дома Нануса, короля сегобригов — галльского племени, осевшего на побережье Средиземного моря. Люди толпятся вокруг огромного стола, накрытого на свежем воздухе. Не всем гостям хватило места на скамейках. Многим пришлось устроиться на земле — на шкурах или соломе. Ну и шум! В веселом гуле люди почти не слышат друг друга. Они громко говорят, шутят, перекликаются, смеются... Разговоры несколько утихают при появлении блюд с дымящимися ароматными кровяными колбасами.

Совсем рядом, в соседнем доме, ждет, в окружении подруг, старшая дочь короля — Гиптис. Для нее это великий день, один из самых важных в ее жизни. Отец решил, что она достигла брачного возраста. За ней вот-вот придут, и она должна будет выбрать себе мужа из числа претендентов, собравшихся вокруг короля. Нетрудно понять ее волнение и нетерпение. По этому случаю она надела свое любимое платье и набросила на белые плечи разноцветную блестящую шаль. Золотая диадема лежит на ее золотистых волосах. Она осветлила их смесью яичного желтка с золой.

До конца пира еще далеко. Надо видеть, с каким аппетитом галлы набрасываются на куски жареных кабанов, которые им теперь подают. Собаки бродят среди гостей, подбирая кости. Все так заняты трапезой, что никто не замечает появления двух незнакомцев. Постояв какое-то время в стороне, они решаются подойти ближе. Когда пирующие замечают их, голоса стихают. По их одежде и вьющимся волосам все понимают, что они чужеземцы. И в самом деле, они обращаются к Нанусу по-гречески. К счастью, король прекрасно понимает этот язык и довольно хорошо на нем говорит.

«Привет тебе, достойный король сегобригов! Меня зовут Протис, а это мой брат Симон. Мы прибыли из далекой Греции, из города Фокеи, что на азиатском побережье Эгейского моря. Наши корабли принесли нас к вашим приветливым берегам. Мы хотели бы здесь поселиться. Не согласишься ли ты, гостеприимный король, уступить нам кусок своей земли?»

Нанус не отвечает на вопрос греков, но приглашает их сесть рядом с собой и принять участие в празднике. Слуги приносят два кубка кормы — пива, сдобренного медом, вкус которого поражает вновь прибывших.

Протис и Симон оказались в центре внимания собравшихся. Галлы, любопытные по своей природе, забрасывают их вопросами, Нанусу приходится переводить вопросы и ответы.

Время идет. Гиптис все больше и больше нервничает, не понимая, почему пир так затянулся. У нее больше нет сил ждать. Будь что будет! Она решила выйти к отцу и его гостям. В дверях она встречает служанку, которую за ней послали.

Гиптис с минуту колеблется, прежде чем подойти к гостям. У нее кружится голова, ее душит волнение. Множество взглядов устремлено на нее. Однако мало-помалу она обретает уверенность... Ее отец встает. Как он гордится сейчас своей дочерью! Какой красивой она ему кажется! Он подает ей чашу воды: тот, кому она ее поднесет, станет счастливым избранником.

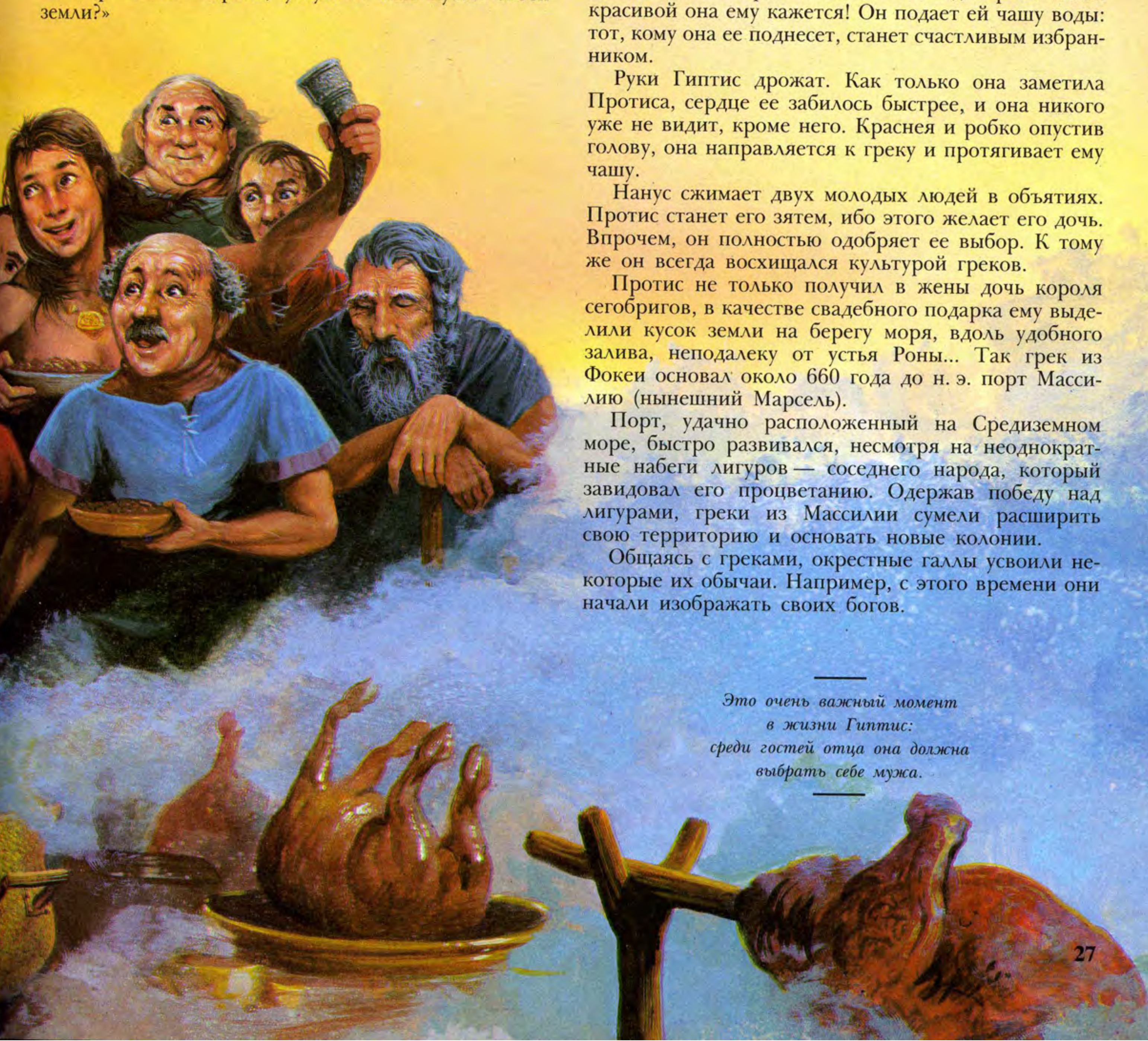
Руки Гиптис дрожат. Как только она заметила Протиса, сердце ее забилось быстрее, и она никого уже не видит, кроме него. Краснея и робко опустив голову, она направляется к греку и протягивает ему чашу.

Нанус сжимает двух молодых людей в объятиях. Протис станет его зятем, ибо этого желает его дочь. Впрочем, он полностью одобряет ее выбор. К тому же он всегда восхищался культурой греков.

Протис не только получил в жены дочь короля сегобригов, в качестве свадебного подарка ему выделили кусок земли на берегу моря, вдоль удобного залива, неподалеку от устья Роны... Так грек из Фокеи основал около 660 года до н. э. порт Массилию (нынешний Марсель).

Порт, удачно расположенный на Средиземном море, быстро развивался, несмотря на неоднократные набеги лигуров — соседнего народа, который завидовал его процветанию. Одержав победу над лигурами, греки из Массилии сумели расширить свою территорию и основать новые колонии.

Общаясь с греками, окрестные галлы усвоили некоторые их обычаи. Например, с этого времени они начали изображать своих богов.

Это очень важный момент в жизни Гиптис: среди гостей отца она должна выбрать себе мужа.

Эсус — вечерний гость

В деревне его зовут Рутеносом (Красным), вероятно, за багровое лицо, за кожу, обожженную огнем в кузнице, за густые рыжие усы и того же цвета лохматую гриву волос. Всегда веселый, с глубоко посаженными смеющимися глазами, густыми бровями, этот симпатичный, сказочно сильный гигант — не совсем обычный человек. Звук ударов его молота о наковальню на заре будит многих жителей городка. По тембру доносящихся из кузницы звуков люди определяют направление ветра, а значит, и погоду... Железо так и поет под волшебным молотом Рутеноса. Его кузница — настоящее святилище, где он с помощью огня укрощает металл. Под его точными ударами возникает и грозное оружие воинов — мечи, копья, дротики, и мирные орудия крестьян, и топор дровосека.

Среди галлов Рутенос слывет человеком высшего порядка, наделенным сверхъестественной силой, а потому внушающим некоторый страх. Тайны обработки металла его далекие предки получили от самого бога-кузнеца Укуэтиса. Вспомним, что именно умение обрабатывать железо дало кельтам превосходство над многими народами, имевшими только бронзовое оружие. В тот вечер Рутенос задержался в своей кузнице дольше обычного... Снаружи уже стемнело, и кузнец собирался потушить последние угли, еще потрескивающие в его горне.

Внезапно кто-то громко постучал в дверь, и тут же в кузницу вошел рослый полуобнаженный мускулистый человек. Судя по всему, он очень спешил. Кузнец сразу заметил у него в руке топор с затупившимся лезвием. Не успел он спросить у посетителя причину столь позднего вторжения, как тот заговорил сам:

«Так это ты — кузнец Рутенос, чье несравненное умение хвалят повсюду? Я принес тебе свой топор, чтобы ты выправил лезвие».

Удивленный кузнец внимательно рассматривал заказчика, пришедшего в столь поздний час.

«Уже ночь, и мой горн погас. Приходи завтра рассвете, и тогда я займусь твоим топором,— споко но ответил Рутенос.— Чем же ты затупил свой т пор?»

Незнакомец, повысив тон, властно продолжал:

«Топор мне нужен сегодня вечером, слышиш Рутенос, сегодня вечером! Эсуса ждать не заставл ют!»

Услышав это имя, Рутенос вздрогнул. Эсус! Жест кий Эсус! Божественный дровосек, расчищающи землю под пашню! Тот, кого так боятся галлы! То кому друиды развешивают жертвы на деревьях!

Кузнец — человек не робкого десятка, но прису ствие бога под его крышей ему совсем не нравитс Он быстро подбрасывает в свой горн древесны уголь и начинает раздувать огонь мехами. Вско кузницу заливает красноватый свет, отбрасывающи на стены танцующие тени. Рутенос кладет топ Эсуса на середину горна и продолжает раздува огонь, непрерывно сгребая на него кочергой угл чтобы довести железо до нужной температуры. И т гда длинными щипцами он вынимает топор из топ рища и кладет его на наковальню. Взяв самый тяж лый молот, кузнец с удвоенной силой бьет по лезви топора. Железо вытягивается, гнется, постепенно с неет. Нужно снова раскалить его добела.

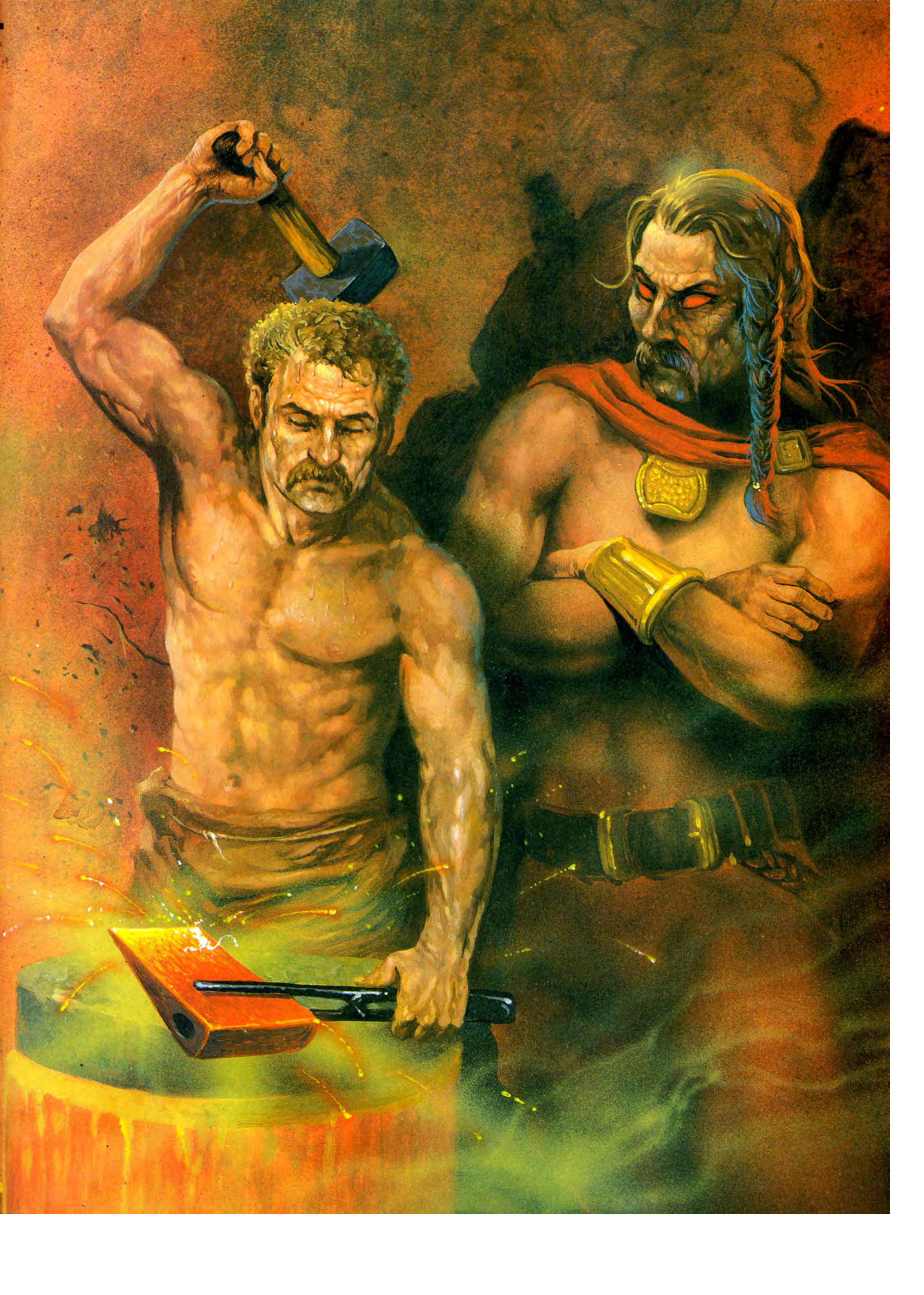
Ночная работа Рутеноса вызывает любопытст соседей. Но, поскольку кузнеца побаиваются, никт не осмеливается пойти и узнать в чем дело.

Всю ночь Рутенос бьет молотом по топору. П катится по его лицу, капает с усов... Лишь на расс те он кончил работу и протянул богу великолепны топор с выправленным и острым лезвием — насто щее чудо. Похоже, Эсус доволен. Забрав топор, поспешно исчезает в утреннем тумане, даже не п благодарив кузнеца.

Рутенос очень устал и теперь с чувством облегч ния, отправляется спать. Он — человек не из болтл вых и сохранит свое приключение в тайне: никто узнает, кто был его ночным гостем.

Кузнец усердно работает под наблюдением своего грозного заказчика.

Священные гуси

387 год до н. э.

Бренн внимательно вглядывается в зубчатую линию Апеннин, заслоняющих горизонт. А стоящее позади трехсоттысячное войско молча смотрит на него. Разве не обещал он славу тем храбрецам, которые пойдут с ним за эти горы?

Близится летнее солнцестояние, недалеко и до полнолуния. Друиды считают, что наступил благоприятный момент. Войско может двинуться вперед. Римляне ждут его на берегах Аллии — скромного притока Тибра. Они твердо решили остановить варварские орды, но, заслышав вопли противника, бегут почти без боя: «волшебная» сила слова сработала и на сей раз!

Итак, Бренну открыт путь на Рим. Каково же было его удивление, когда он увидел, что городские ворота раскрыты настежь, а внутри все будто вымерло! Опасаясь западни, галлы не сразу решаются вступить в город и с предосторожностями входят на пустынные улицы.

Они удивились еще больше, увидев почтенных старцев, неподвижно сидящих в курульных креслах*. Пораженные, воины смотрят на них с некоторым уважением, не понимая, люди ли это из плоти и крови, или статуи. Самый смелый из них слегка дергает за длинную седую бороду одного из этих призраков и тут же получает от него сильный удар по голове посохом из слоновой кости. Этот поступок старца вызвал ярость галлов, которые перебили всех находившихся поблизости римлян, разграбили дома и храмы. Но не всем Римом овладел Бренн. Хорошо укрепленный Капитолийский холм стал последним оплотом горстки защитников города, решивших бороться до конца.

Время идет. Тщетна затянувшаяся осада неприступной крепости... В одну из ночей галлы, воспользовавшись темнотой, пытались бесшумно взобраться вверх по крутым склонам холма. Все шло отлично. Ни часовые, ни сторожевые псы не заметили опасности. Но в этот момент священные гуси Юноны, богини — покровительницы Рима, подняли крик, начали бить крыльями и в страхе заметались во все стороны. Римлянин Манлий первым поднял тревогу. Своим щитом он столкнул вниз уже взобравшегося на стену галла, который увлек в своем падении и других...

Итак, штурм Капитолия провалился... благодаря священным гусям! Однако осажденные все больше страдали от голода и вынуждены были пойти на переговоры с галлами. Трибун Сульпиций направился к Бренну; тот потребовал выкупа, и римлянам пришлось принять условия победителей.

Собрав огромные сокровища, римляне принесли их галльскому вождю, который приказал тщательно взвесить их. Сульпиций, заметив, что гири неправильно показывают вес, пожаловался Бренну. Галл, превосходно об этом знавший, бросил на чашу весов свой меч, надменно воскликнув: «Горе побежденным!»

Римляне навсегда сохранили ужасные воспоминания о галльских ордах, разграбивших их город.

К вопросу о Бренне

В древней истории известны два галльских вождя по имени Бренн. Один жил в IV веке до н. э. и участвовал в разграблении Рима. Другой в III веке до н. э. возглавил поход в Грецию. Такое совпадение имен наводит на мысль о том, что слово «бренн» было именем нарицательным и означало «король» или «вождь». Была даже подвергнута сомнению реальность существования этих Бреннов; по версии других исследователей, речь идет об одной и той же легендарной фигуре. В наши дни «щит Бренна» — почетный приз, ежегодно присуждаемый команде-победительнице чемпионата Франции по регби.

Галлы не приняли в расчет бдительность священных гусей.

Проклятое золото Дельф 279 год до н. э.

Македония, в прошлом родина Александра Великого, взята галлами. Воины весело празднуют в своем стане победу. Вино развязывает языки и подогревает страсти... Вождь победителей Бренн отходит в сторону, задумчиво глядит вдаль.

«К чему нам оставаться здесь? — размышляет он.— К югу от гор лежит Греция, а дальше — за проливами — безграничная Азия, видевшая подвиги Александра».

Пример знаменитого македонского завоевателя стал для честолюбивого галла воистину навязчивой идеей. Для успешного осуществления своих замыслов Бренну нужно убедить людей, но задача эта оказалась не из легких. Ему пришлось пустить в ход всю силу убеждения, обещать тем, кто пойдет за ним, целое состояние, расписывая богатства греческих городов. Он пустился даже на хитрость: отобрав из числа греческих пленников самых малорослых, он велел провести их перед своими войсками, внушив уверенность, что они безо всякого труда справятся с таким карликовым народом!

Сто пятьдесят тысяч пехотинцев, две тысячи всадников — такая огромная армия вступила в Грецию под водительством Бренна. Но первое же препятствие вскоре охладило пыл галлов: греки разрушили мосты через реку Сперхиос. Единственный брод был глубиной не менее пяти футов (1,60 м), и только всадники могли воспользоваться им без затруднений. Кое-кто из пеших воинов пересек реку вплавь, но большинство переправилось на другой берег на плотах, сбитых из деревянных щитов. Падение укрепленного города Гераклеи имело для галлов особое значение. Благодаря этому успеху они смогли развернуть операции, которые, по замыслу Бренна, должны были завершиться взятием Дельф. В этом центре греческого мира в храме бога Аполлона находились несметные сокровища.

А пока Бренн застрял со своим войском у подножия горы Эты. Немногочисленные проходы охранялись греками, поспешившими сюда из разных городов, чтобы остановить нашествие галлов. Не слишком дисциплинированное войско Бренна начало роптать. Время торопило полководца: ему нужно было найти выход из положения, пока армия не разбежалась. И тогда у него созрел план — послать двух своих военачальников с частью людей в Этолию для выполнения отвлекающего маневра...

Узнав, что их родные края преданы огню и мечу, этолийские воины, оборонявшие вместе с другими греками Эту, поспешили на свою опустошенную родину. Этого-то и хотел Бренн! Возглавив сорок тысяч человек, он пошел на крайний риск. Рано утром, под прикрытием густого тумана, он поднялся на гору... Когда греки обнаружили противника, было слишком поздно. Галлы застигли их врасплох и учинили настоящую бойню. Путь на Дельфы был наконец открыт!

Вопреки ожиданиям Бренна город успешно отражал неоднократные приступы его войск. Война с неясным исходом становилась все ожесточенней. Внезапно, когда галлы уже собирались войти в священный храм, раздался ужасающий грохот. Земля содрогалась и покрывалась трещинами, в которые проваливались люди. Сверкали молнии, перепуганных воинов ослепила снежная буря, многие погибли под градом камней. Нельзя безнаказанно осквернять святилище Аполлона!

Все это походило на конец света, и галлам казалось, что небо обрушилось на их головы! Они спешно покинули это место, спасаясь от гнева богов.

На следующую ночь, когда галлы еще не оправились от потрясения, уцелевших воинов охватила паника, безотчетный ужас, породивший такую неразбериху, что они начали убивать друг друга. К восходу солнца земля была усеяна тысячами трупов, а сам Бренн был трижды ранен.

Верный традициям предков, побежденный вождь покончил с собой по возвращении в Гераклейский лагерь. Отступление галлов, которых греки ни на минуту не оставляли в покое, пришлось возглавить его другу Кихориосу. Некоторые полагают, что никто не вернулся живым из злополучного похода. Другие утверждают, что уцелевшие воины-галлы ушли в Азию и осели в местности, получившей в их честь название Галатии. По третьей версии часть галлов — тектосаги — сумели доставить к себе домой в Тулузу дельфийское сокровище: пятнадцать тысяч талантов (300 тонн) золота! Позднее, говорится далее в легенде, римский полководец Сервилий Цепион, разграбивший Тулузу, завладел священным сокровищем и отправил его в столицу империи. По его наущению сообщники напали на обоз, перевозивший эти несметные богатства. Святотатство не принесло удачи тем, кто его совершил. Все участники этого ограбления погибли. Так никто и не знает, что же сталось с этим «проклятым» золотом Дельф!

Молот Суцеллуса

Богиорикс покоится на своей колеснице, превращенной в погребальное ложе. Лицо его бледно как мрамор, но черты спокойны. Он как будто спит мирным сном. Не видно и следа рокового удара дротиком, который пробил ему грудь: рана прикрыта деревянным щитом, украшенным геометрическими узорами. Справа лежит его любимый меч в бронзовых ножнах, украшенных завитками и инкрустированных кораллами. Он так им гордился!

Тишину королевских покоев нарушают лишь сдавленные рыдания. В темном углу горько плачет Дьюогна, младшая дочь покойного. Слезы текут по ее детским щекам. Напрасно ее пытаются утешить, говоря, что отец ее погиб как герой, она не может сдержать своего горя. Когда шесть воинов поднимают останки, она сжимает кулачки, чтобы не закричать.

Похоронная процессия пересекла деревню, чтобы доставить Богиорикса к месту вечного успокоения. Прежде чем опустить тело в могилу, жрецы должны совершить ритуальное жертвоприношение оружия, ибо умерший вступает в царство мира. Кузнец вынимает из ножен меч покойного и погружает его в костер. Когда железо раскаляется докрасна, он несколько раз перегибает клинок. Затем, взяв тяжелый топор, он с силой бьет по металлической пластине, укреплявшей середину щита Богиорикса. Друид го-

ворит о том, что галл не должен бояться смерти, означающей всего лишь «середину долгой жизни».

Когда тело опущено в могилу, старший брат Дьюогны бросает в землю статуэтку лошади. Именно конь, верный спутник воина, должен сопровождать души в мир иной, далеко на запад, на остров в безбрежном океане, куда каждый день погружается солнце.

А пока душа Богиорикса мчится через пространство в это таинственное царство, люди начинают засыпать его могилу... Старый Тритиос, один из друзей короля, взял Дьюогну за руку. Он говорит ей об отце, о его щедрости: разве не ссудил он ему несколько дней назад большую сумму денег? Богиорикс сделал это с условием, что Тритиос вернет ему долг только на том свете. Такая странная сделка, обычная у галлов, доказывает, что они были уверены в существовании загробной жизни. Дьюогна тоже в этом убеждена, но это не облегчает горе девочки, потерявшей любимого отца.

Как только Богиорикс прибыл в страну мертвых, его встретил Суцеллус. Бог, одетый по-галльски, носит короткую рубаху, капюшон и штаны. Он опирается на длинный посох. Присмотревшись внимательнее, Богиорикс видит, что этот посох заканчивается молотом с двумя бойками. Удары одного несут смерть, удары другого способны воскрешать. И действительно, Суцеллус — «мощно ударяющий» — является одновременно богом мертвых и воскресения.

Суцеллус подходит к стоящей позади него бочке и, наполнив напитком бессмертия небольшой глиняный сосуд, подносит его Богиориксу. Отныне галльский вождь начинает свою вторую жизнь среди богов.

На галльской земле, в стране живых, на его могиле возвышается высокий курган. Богиорикс — «великий боец» — вошел в легенды. Его подвиги, воспетые бардами, стали продолжением подвигов его славных предков. На его могиле — священном месте — по ночам будут собираться прорицатели, чтобы узнавать будущее.

Загадочная «дама из Викса»

В 1953 году около галльского городища Викс в Бургундии, неподалеку от другого древнего галльского города — Алезии, под каменно-земляным курганом была обнаружена погребальная камера с деревянным потолком. В ней покоились останки молодой богатой женщины: голова ее была украшена великолепной золотой диадемой, а руки, шея и щиколотки — изумительными драгоценностями.

Особое внимание археологов привлекли находившиеся возле нее парадная колесница и гигантский греческий сосуд для вина — кратер.

Колесница представляет собой продолговатый кузов на четырех колесах. Эту легкую повозку с центральным дышлом возили, по-видимому, люди. Пассажирка сидела в ней, вытянув ноги и откинувшись на обитую мягким материалом спинку. Со снятыми колесами повозка превращалась в нечто вроде портшеза — легкого переносного кресла, о чем говорят четыре рукоятки по обе стороны кузова. Если колесница была местного производства, то кратер привезли из какого-то греческого города в Южной Европе. Этот огромный сосуд — самый большой из всех найденных кратеров — весил свыше 200 килограммов, высота его составляла 1,64 метра, емкость — 1200 литров.

Кто была эта загадочная «дама из Викса», умершая около 500 года до н. э. и похороненная с такими почестями? Принцесса, королева или великая жрица? Мы никогда этого не узнаем. Она унесла с собой тайну своего происхождения, оставив нам лишь предположения... и мечты!

Молот бога может убивать, но может и воскрешать.

Благодетельная Секвана

В том году у истоков Сены, которыми ведает добрая богиня Секвана, собралось куда больше паломников, чем обычно. Многим пришлось проделать долгий путь, чтобы испросить исцеления для себя или своих близких.

Матта и Нертос — уроженцы земли племени туронов на берегу Луары. У Матты нет детей, и ее муж, горшечник, опасается, что у него не будет ни сына, ни зятя, который станет его преемником. У Нертоса, кроме того, болят глаза; его зрение год от года ухудшается, и он боится полностью ослепнуть... Словом, Матта и Нертос решили прийти и молить Секвану, ту, что исцеляет все болезни.

В плащах с капюшонами, с посохами в руках они шли несколько недель по плохим дорогам, ночевали под открытым небом, чтобы не тратиться. Но как только они увидели долину, где бьет священный источник, сразу забыли об усталости и тяготах путешествия.

Обоих паломников тут же осадили продавцы обетных приношений, чьи лавчонки теснятся вдоль дороги к святилищу. Здесь легко найти подходящее приношение — либо то, что предпочитает богиня, либо то, что более всего соответствует их болезням. Этого товара здесь полно — на все вкусы и кошельки...

Матта выбрала статуэтку из древесины падуба, попросив вырезать на ее спине свое имя. Нертос же купил бронзовую дощечку с изображением глаз, выгравированных пунктиром. Богиня поймет, о чем они просят!

Сейчас разгар паломничества, время наибольшего стечения народа. Супруги смотрят на окружающее их печальное зрелище и поражены увиденным. Им кажется, здесь собрались все горемыки Галлии: парализованные, колченогие, искалеченные, хронически больные, прокаженные, а рядом с ними — рахитики, бесплодные женщины, худосочные дети. Встречаются люди, пришедшие сюда в надежде вылечить переломы, головные боли, отит или ревматизм... Матта и Нертос чувствуют себя неловко при виде больных, которым приходится куда хуже, чем им. Им совсем не хотелось бы беспокоить богиню по пустякам.

Тем не менее вместе с другими паломниками они направляются к священному источнику. Достаточно спуститься по трем ступенькам, чтобы коснуться воды, стекающей в чашу, вырубленную в глыбе известняка...

Матта воткнула статуэтку в землю, а Нертос прикрепил свою дощечку к одному из столбов, поддерживающих крышу над источником. Они пьют целительную воду, черпая ее глиняными чашками. Рядом стоит маленький квадратный деревянный храм со статуей богини; народ туда не пускают. В определенные дни жрецы вывозят ее на лодке, на носу которой лебединая голова. Сегодня верующие ее не увидят, но знают, что она услышит их молитвы: «О Секвана! Секвана! О благодетельная Сена! Твоя вода очищает, ты избавляешь от болезни, смываешь пятна, унимаешь боль... О плодотворный, живительный и неиссякаемый источник, бьющий из недр Матери-Земли! О божественная Секвана, выслушай наши просьбы и облегчи наши страдания».

Вместе с вереницей паломников Матта и Нертос трижды обходят вокруг храма, взывая к богине. Потом они идут к расположенному ниже большому бассейну. Матта направляется в сторону, отведенную для женщин, и погружается в воду. Нертос же лишь смачивает несколько раз водой свои больные глаза.

Матта и Нертос тщательно выполнили ритуал паломничества, не без тревоги, но преисполненные надежд. Ведь рассказывают же, что накануне у одного больного исчез зоб, стоило ему испить чудотворной воды.

Прежде чем отправиться в обратный путь, Нертос обращается к одному из жрецов-врачей. Тот вручает ему нечто вроде густой мази, которую нужно слегка развести водой Сены и каждый вечер прикладывать к глазам.

Чета туронов с удовольствием осталась бы подольше возле Секваны, но серебро тает быстро, а его у них и так мало. Они уносят с собой тяжелую амфору с драгоценной священной водой. Если занеможет родственник или друг, если заболеет скотина, им дадут выпить глоток, и Секвана их исцелит.

Паломники толпятся вокруг священного источника.

Верная Эпонина

69 год н. э.

Воспользовавшись смутой, начавшейся после смерти императора Нерона, часть галлов восстала против Рима... Сабинус, вождь племени лингонов*, без колебаний примкнул к заговорщикам. Возглавляемое им войско, к несчастью, потерпело поражение от секванов — союзников римлян. По кельтскому обычаю, многие из побежденных воинов принесли себя в жертву. Другие решили бежать в варварские страны. Сабинус добрался до своего сельского дома под Лангром. Его преданный слуга Марциал потом рассказывал всем, что своими глазами видел, как Сабинус поднес к устам чашу смертоносного яда. Повинуясь приказу хозяина, Марциал поджег дом, превратив его в гигантский погребальный костер.

Узнав о трагической гибели мужа, Эпонина не может сдержать свою скорбь. Она с воплями катается по земле. Она рыдает три дня и три ночи, отказываясь от пищи. Она твердо решила умереть с горя.

На самом деле Сабинус жив, но его жена об этом не знает. Отравление и пожар были лишь хитрой уловкой, придуманной им для того, чтобы скрыться от преследователей. Ему не хотелось ни приносить себя в жертву, ни бежать в чужие края, ибо он слишком любил молодую жену... Сабинус спрятался в пещере, расположенной в его владениях, а его слуга тайком носил ему каждый день пищу. Он не думал, что горе Эпонины будет таким сильным и, узнав об отчаянии молодой женщины, поручил Марциалу посвятить ее в свою тайну... Нетрудно представить себе радость Эпонины, узнавшей, что ее муж жив. Сначала она отказывается этому поверить, а потом теряет от счастья голову. Напрасно Марциал советует ей быть осторожной, объясняя, что ни в коем случае нельзя возбуждать подозрений у соглядатаев из Рима — она хочет немедленно отправиться к Сабинусу. Так и не убедив ее внять голосу рассудка, Марциал сумел лишь уговорить ее дождаться наступления темноты.

С этого дня Эпонина ведет двойную жизнь. Днем, в городе, она продолжает разыгрывать перед родными и друзьями роль безутешной вдовы. Вечером она тайком пробирается в пещеру к своему мужу.

Девять лет никто не замечает ее уловок. Она родила близнецов, двух красивых мальчиков, которые растут подле своего отца.

Однако ее постоянные отлучки в конце концов были замечены. Как-то утром, у выхода из пещеры,

Эпонина смотрит прямо в глаза императору Веспасиану.

где она в очередной раз провела ночь, Эпонину поджидали римские солдаты. Вся семья была арестована, отвезена в Рим и брошена в тюрьму.

Удивительная история Эпонины взволновала многих жителей столицы империи. Говорили, что сам император Веспасиан не остался равнодушным. Он согласился принять жену заговорщика. Однако, несмотря на все мольбы, Эпонине так и не удалось добиться помилования для мужа. Веспасиан не простил Сабинуса, ибо его милосердие лишь поощрило бы галлов на новые мятежи.

Увидев, что не остается никакой надежды, Эпонина осушила слезы. Глядя прямо в лицо императору, она дерзко и презрительно бросила ему:

— Бедный цезарь! Ни за что на свете я не поменялась бы с тобой судьбою, ибо моя жизнь в пещере с Сабинусом была в тысячу раз счастливее, чем твоя на троне!

Эпонина понимала, что, бросая такие слова властелину Римской империи, она обрекает себя на смерть. Это было, впрочем, ее последним желанием: не расставаться больше с мужем и вместе с ним уйти в царство Суцеллуса.

Эпонину и Сабинуса казнили в один день. Их дети были отданы в римские семьи: один сын вырос в Египте, другой — в Греции. Их предпочли воспитать подальше от Галлии, где жила память о родителях и само их присутствие могло усилить вражду к Риму.

Последний друид Галлии

После захвата Галлии римской армией друид Цельтиллос жил, укрывшись в густом лесу, в самом сердце страны арвернов... Лишь немногие верующие навещали его из уважения к преклонному возрасту. Большинство друидов подчинилось приказу победителей и отказалось от своих занятий. Некоторые — помоложе — предпочли бежать в Британию или Ирландию. Римляне опасались, что эти люди могут возбудить мятежи. Они не забыли, что великое галльское восстание во главе с Верцингеториксом началось именно в стране карнутов, где каждый год собирались все друиды Галлии.

Цельтиллос же не пожелал уйти в изгнание. Не захотел он отказаться и от сана друида и долгие годы не покидал спасительного леса. Но сегодня, забыв об осторожности, друид отправился в путь. Друзья не сумели его удержать. Он непременно хотел увидеть гигантскую бронзовую статую Меркурия римского бога торговли, которую римляне недавно воздвигли на вершине горы Пюи-де-Дом. Ему рассказывали, что греческий скульптор Зенодор десять лет работал над этой статуей, которая обошлась в целое состояние: десять миллионов сестерциев!

Пройдя немалое расстояние, Цельтиллос увидел вдалеке очертания горы. На вершине ее что-то блестело на солнце. Чем ближе подходил друид, тем яснее видел он статую. Он почувствовал унижение и с трудом сдержал гнев. Этот высокомерный чужеземный бог возвышался почти до самого неба! Какое оскорбление для галльского народа и для его богов! И как только терпит великий Таранис подобное святотатство?

Восхождение на гору оказалось нелегким делом для старика. Ему несколько раз пришлось присаживаться, чтобы перевести дыхание. Когда он достиг, наконец, вершины Пюи-де-Дом, он не мог скрыть своего удивления и восхищения колоссальной статуей. Он попытался на глаз определить ее высоту: шестьдесят футов (1 фут — примерно 30,5 сантиметра)? сто двадцать? Какое замечательное сооружение! Сколько мощи и вместе с тем сколько изящества в этом прекрасном обнаженном атлете, с крылатой

шапочкой — петазом*— на голове, с кадуцеем* в левой руке и тугим кошельком в правой!

Однако в чувствах Цельтиллоса нет ничего от религиозного поклонения. Ведь эта статуя — творение рук человеческих. Друид куда более потрясен открывшимся его взору пейзажем. Глубокое впечатление производит на него вереница вулканов с их правильными конусами и круглыми кратерами, ибо именно тут он видит присутствие богов.

Медленным шагом приближается друид к храму, выстроенному рядом со статуей Меркурия. Он останавливается перед скульптурами, окружающими святилище, и с любопытством спрашивает, кто эти люди, увековеченные в мраморе: победоносные вожди, прославленные короли, знаменитые королевы? Когда ему отвечают, что это боги и богини, изумленный Цельтиллос разражается смехом... Друиду не верится, чтобы римляне могли изображать своих богов в виде простых смертных. Невозможно, чтобы столь могущественный народ поклонялся статуям, которые так легко разбить.

Цельтиллос стоит какое-то время в задумчивости на вершине Пюи-де-Дом. На обратном пути его застает ночь. Сияющий на небе серебряный диск полной луны почти касается верхушек деревьев. Вернувшись к себе, друид слышит оглушительный рев оленя и думает о Цернунносе... Цельтиллос ложится спать успокоенный и отходит ко сну в убеждении, что галлы никогда не признают этих чужеземных богов и сохранят, хотя бы тайно, приверженность религии своих предков, даже если на местах былых кельтских святилищ поднимутся римские храмы!

От истории к легендам

Галлы: народ, пришедший издалека

В начале первого тысячелетия до нашей эры группы кельтов стали проникать в Галлию, оседая среди более древнего населения. Их прародина находилась в центре Европы, в обширной зоне, простиравшейся от Богемии до Рейна, соответствующей нынешним Австрии и Южной Германии.

Это передвижение особенно усилилось между VIII и V веком до н. э. Кельты мало-помалу утвердились в Галлии и стали господствовать над остальными народами, так как обладали решающим преимуществом — секретом обработки железа, что обеспечивало им явное превосходство в том, что касалось изготовления оружия.

В конце III века до н. э. кельты доминировали почти во всей Западной Европе.

Одновременно кельты расширяли свои владения и в других направлениях. Они давно стали совершать походы на Британские острова и на юг Европы, где захватили Пиренейский полуостров и равнину вдоль реки По. На востоке они угрожали Греции, а некоторые из кельтских племен под именем галатов обосновались в Малой Азии.

Однако эта огромная территория никогда не представляла собой империю, ибо делившие ее между собой различные племена ревниво оберегали свою независимость и нередко вели братоубийственные войны. Даже в Галлии никогда не существовало единого государства. Она распадалась на несколько крупных территорий, населенных различными, иногда соперничающими народами:

— Цизальпинская Галлия в Северной Италии, покоренная римлянами во II веке до н. э. Она называлась Галлией «в тоге».

— Галлия «в штанах» — территория вдоль побережья Средиземного моря от Альп до Пиренеев: окончательно завоеванная римлянами в 117 году до н. э., она стала римской провинцией — Нарбонская Галлия.

— Галлия «косматая», оставалась независимой вплоть до завоевания ее Цезарем. Почему она так называлась? Потому ли, что ее жители носили длинные волосы, или потому, что она была покрыта густыми лесами? Она разделялась на три основных района, три Галлии: Аквитанию — к югу от реки Гаронна, Кельтику — между реками Гаронна и Марна, и Белгику — от Марны до Рейна (после римского завоевания Кельтика стала называться Лугдунской Галлией).

Золотое ожерелье
(I или II век до н. э.)
Сен-Жермен-ан-Ле,
Музей национальных древностей
© Дали Орти

Галльский шлем
(III век до н. э.),
найденный в Анфревиле
(департамент Эр).
© Собрание национальных
музеев Франции

Загадочная религия

Из-за отсутствия текстов, написанных самими галлами, об их религии известно очень мало. Археологиче-

ские изыскания установили несколько сотен имен богов, большинство из которых упоминается только однажды. Почти ни о ком из них неизвестно, чем же именно он ведал. Невольно возник вопрос: уж не означают ли на самом деле все эти имена многочисленные грани великого бога — единого, бесконечного, вездесущего — безымянного бога, которого галлы, по сообщению греческого географа Страбона, почитали в вечера полнолуния; того, кого кельты, по словам Цезаря, считали отцом своего племени, богом-создателем?

Создается впечатление, что первоначально галльские божества были просто духами. Первые статуи галльских богов появились сначала в Южной Галлии, несомненно, под влиянием греков, селившихся вдоль средиземноморского побережья. Не сразу им придавался конкретный человеческий облик. На первых порах это были лишь едва намеченные силуэты, грубо вырезанные из древесных стволов или высеченные из камня. Некоторым древним авторам это давало повод утверждать, что галлы были неспособны освоить искусство скульптуры.

Цезарь, возглавлявший римские войска при завоевании Галлии, утверждал, что видел там множество «подобий» богов, однако не сообщает никаких подробностей. Многие историки сделали из этого несколько поспешный вывод, что речь шла всего лишь о стоящих, едва обработанных камнях. Кое-кто из них даже заявил, что римский полководец принял за изображения богов бесчисленные менгиры, которые попадались тогда повсеместно. Во всяком случае, археологические открытия показали, что почти все статуи богов, найденные за пределами Южной Галлии, появились уже после прихода туда римских легионов.

Галльская бронзовая маска
Музей г. Тарба.
Фото Дьезед — Зодиак.

Статуэтка танцовщицы или богини
Орлеан.
Исторический музей Орлеанэ.
© Ашетт. Фото Жана Сюке.

Друиды

Друиды играли в кельтском обществе первостепенную роль. Однако нам очень мало известно об этих важных фигурах, не имевших аналогов в других обществах той эпохи. Римские и греческие античные авторы — единственные, кто поведал нам о друидах — называют их то жрецами, то колдунами, а то поэтами и философами. Друиды, видимо, занимались всем этим одновременно. Само это слово, возможно, означало «много знающие» или «много видящие».

Уважаемые люди

Поскольку друиды были людьми самых широких знаний, это обеспечивало им верховенство над другими членами общества, включая военных или политических вождей. Они — «люди над людьми», близкие к богам, и никакие важные решения не принимались без их согласия, будь то переселение племени или объявление войны. Они пользовались таким авторитетом, что, встав между сражающимися сторонами, могли прекратить битву.

Каким образом люди становились друидами — неизвестно. Цезарь упоминает об одном друиде скромного происхождения, что говорит о некоей «демократичности» при вступлении в это сословие. Однако в большинстве своем они являлись скорее всего представителями верхушки галльского общества, поскольку сан друида обеспечивал своему обладателю, помимо всеобщего уважения, еще и множество материальных привилегий: друиды, например, не платили налогов и были освобождены от воинской повинности.

Прежде чем получить столь престижный сан, соискатель должен был пройти длительную подготовку у опытного учителя, которая могла продолжаться и двадцать лет. Время от времени друиды удалялись в уединенные места, а иногда направляясь в далекую Британию (современная Великобритания), где находился главный центр друидов кельтского мира.

Собрания в стране карнутов

Друиды Галлии признавали превосходство своего верховного вождя — Великого друида. Когда он умирал, его преемником назначали того, кто пользовался всеобщим уважением. Если никто не находил единодушной поддержки, прибегали к выборам... Не всегда смена проходила гладко. Говорят, иногда эти почтенные мудрецы, не сумев договориться, давали волю рукам. Была ли это просто драка? Или же своего рода турнир? А может быть, то было состязание ораторов с целью лучше оценить кандидатов?

После избрания Великий друид председательствовал на большом собрании друидов Галлии, происходящем каждый год на территории карнутов.

Серебряный котел (I век до н. э.), найденный в торфяниках Дании
Музей г. Копенгагена

Специалисты продолжают спорить о конкретном месте этих встреч. Одни считают, что это был Аутрикум (Шартр), где пересекается множество дорог и где известно место отправления культа, почитавшееся с незапамятных времен. Другие упоминают Генабум (Орлеан) — стратегический пункт на Луаре; наконец, третьи говорят о городке Сен-Бенуа, где под каменным полом аббатства недавно обнаружены следы древнего святилища. Многие считают, что собрание проходило на открытом воздухе, в лесу.

Собрания, где друиды обсуждали важнейшие проблемы кельтского мира, начинались с торжественных жертвоприношений. Не случайно восстание галлов против римлян в 52 году до н. э. вспыхнуло именно в стране карнутов!

Собрание разрешало споры между племенами. Решение мудрецов считалось обязательным для всех.

Такого рода третейский суд занимался и разрешением споров между частными лицами. У каждого галла было право обратиться в этот верховный трибунал, располагавший целым набором принудительных мер, которые обеспечивали соблюдение его решений. Самая серьезная из них — мера религиозного порядка — состояла в том, что виновному запрещалось участвовать в жертвоприношениях. Такое наказание отлучало его от богов и отторгало от сообщества людей.

Все отворачивались от него, ибо общаться или разговаривать с виновным значило оскорбить богов. Таким образом, друиды обладали сильной властью и могли заставить вождя, который вздумал бы им перечить, пойти на уступки.

Жертвы

Как и большинство народов древности, галлы прибегали иногда к человеческим жертвоприношениям, чтобы смягчить гнев богов, снискать их милость или отблагодарить. Утверждают также, что эти жертвоприношения совершались иногда по приказу друидов; они предсказывали будущее судя по тому, как погибала жертва.

Жертвенные церемонии устраивались обычно от имени сообщества — народа, племени, деревни... Цезарь отмечал, что высокопоставленные частные лица заказывали жертвоприношения и от своего собственного имени — например, когда страдали тяжелой болезнью. То была своего рода сделка с богами: приносящий жертву выкупал свою жизнь ценой жизни другого человека.

Постепенно людей заменили животные, а позднее жертвы стали символическими. Зато культ отрубленных голов держался еще долго. Отсеченные у врагов, павших на поле боя, эти головы украшали святилища или пороги домов.

Некоторые воины гордо вешали их на седла или на шеи коней. В развалинах храма в Рокпертюзе, неподалеку от Экс-ан-Прованса, был обнаружен монументальный портик с ячейками для человеческих голов.

Иногда эти своеобразные реликвии, покрытые кедровой смолой, хранились в сундуках. Таким образом свидетельства о доблести предков передавались из поколения в поколение. Когда в дом заходил важный гость, ему непременно показывали эти «трофеи». Галлы так дорожили этими головами, что, по слухам, отказывались продавать их даже на вес золота.

Статуэтка бога неба Тараниса.
Сен-Жермен-ан-Ле, Музей национальных древностей
© Дали Орти

Бронзовый кабан (галло-римская эпоха).
Сен-Жермен-ан-Ле, Музей национальных древностей
© Дали Орти

Галльские храмы

Возведенные на священном месте, окруженном рвом и обнесенном частоколом, галльские храмы были скромными деревянными строениями, с соломенными крышами, иногда к ним пристраивались легкие галереи. Храмы были ярко раскрашены снаружи и заботливо украшены внутри. Неподалеку происходило жертвоприношение животных.

Уважаемые учителя

Друиды обладали универсальными знаниями по физике, ботанике, музыке и были сильны в счете. Они владели плотничьим и кузнечным ремеслами; умели точно измерять расстояния и площади. Кстати, названия старинных французских мер имеют кельтское происхождение: «лье» происходит от галльского «леуга», «арпан» — от «арепеннис».

Наблюдая звезды, друиды разработали сложные календари, о чем свидетельствует найденный в Колиньи (департамент Эн) календарь, выгравированный на бронзовом листе.

Считавшиеся мастерами в искусстве прорицания, они определяли дни, счастливые или несчастливые для важных начинаний, и составляли гороскопы.

Совершенно естественно, что на друидов возлагалась обязанность воспитания сыновей из знатных семей. Преподавание велось исключительно устно, носило явно прикладной характер. Прежде всего нужно было подготовить будущих руководителей, вождей, способных успешно управлять.

Поэтому большое место в этом курсе наук занимало красноречие, воспитание нравственных качеств и в особенности мужества: ведь на протяжении всей своей истории галлы почти непрерывно вели войны. Цезарь утверждал даже, что друиды внушали галлам веру в вечную жизнь, дабы воины не страшились смерти и безбоязненно жертвовали собой на поле брани.

Память галлов

Друиды упорно не желали излагать свои познания в письменном виде. Быть может, так они хотели сохранить в тайне свои знания — основу своей власти?

Друиды были хранителями прошлого своего народа, всей истории кельтов. Они же были и хранителями традиций, прежде всего религиозных. Они передавали из поколения в поколение ритуалы, церемонии, мифологию; объявляли законы, определявшие отношения между отдельными людьми или племенами. К ним обращались при любом спорном вопросе. Они знали правила, законы и обычаи и, поскольку ничто не записывалось, у них всегда имелась возможность вносить новшества. Это не давало галльскому обществу впасть в застой, а, напротив, позволяло ему свободно развиваться.

Друид Дивициакос

Единственный галльский друид, чье имя нам известно,— Дивициакос из племени эдуев. Направленный своим народом послом в Рим, он произвел там сильное впечатление. Оратор Цицерон, который встречался и беседовал с ним, расточал ему похвалы. Особую сенсацию друид произвел в сенате, отказавшись расстаться со своим щитом.

Во время Галльской войны он нередко выступал посредником между галлами и Цезарем.

Умелые врачи

Болезнь приходит от богов, исцеление — тоже. Именно поэтому друиды, посредники между божественными силами и людьми, обладали способностью исцелять. Знание природы позволяло им использовать лечебные свойства трав. Они знали, как собирать, приготовлять и использовать их с соблюдением соответствующих ритуалов. У них всегда было под рукой средство для напуганного больного, постучавшегося к ним в дверь.

Омела, сбор которой был связан со строго определенной церемонией, считалась универсальным лекарством. Ее использовали и как противоядие, и как средство от бесплодия — это воистину медикамент, возвращающий к жизни. Предполагают, что само ее название означает «всеисцеляющая»... В фармакопею друидов входили и многие другие растения: трава из Сентонжа, облегчающая боль в животе, валериана, которой лечили печень, шалфей, вербена, ромашка, чистотел...

Галльский бронзовый петух. Сен-Жермен-ан-Ле, Музей национальных древностей Фото Жиродон

Обетное приношение. Деревянное изображение, найденное у истоков Сены. Дижон. Археологический музей

Мегалиты и галлы

До недавнего времени мегалитические памятники — дольмены и менгиры — историки связывали с галлами и друидическим культом. Но сегодня мы точно знаем, что эти сооружения были возведены за несколько тысячелетий до прихода кельтов в Галлию — в эпоху неолита («шлифованного камня»).

Следует ли сделать из этого вывод о полном отсутствии связи между мегалитами и галлами? Можно полагать, что эти загадочные камни произвели на кельтов глубокое впечатление. Что это за народ великанов, сумевший сдвинуть с места такие огромные глыбы? Кто построил все это — люди, наделенные необычайной силой, или сами могучие боги? Ответ галлы могли получить от туземного населения, ибо они пришли не в безлюдную страну. До них там жили другие народы. Почитали ли они эти огромные камни? Каким способом их перемещали? Передавались ли эти секреты друидам?

Разумеется, у нас нет никаких оснований это утверждать. Зато вполне вероятно, что галлы использовали при отправлении своих культовых обрядов некоторые из этих древнейших памятников Запада, хотя и неизвестно, каким именно образом. Вслед за ними и другие народы будут почитать дольмены и менгиры. В фольклоре всех провинций Франции упоминается о поверьях и обрядах, связанных с этими гигантскими камнями — отголоски верований, истоки которых теряются во тьме веков...

Что стало с галльской мифологией?

Если бы друиды и барды излагали свои мифы в письменной форме, то сегодня в наших школах изучали бы подвиги галльского Геркулеса или странствования кельтского Одиссея... Увы, это литературное сокровище утрачено безвозвратно. Тем не менее специалисты усердно собирают его крохи, тщательно изучая кельтские легенды — ирландские, уэльские или бретонские. Но эти тексты, записанные лишь в средние века, к тому времени уже подверглись влиянию христианства и претерпели множество искажений. Однако, читая их внимательно, можно обнаружить некоторые детали, напоминающие о древних галльских традициях. Там рассказывается о ритуале отрубленных голов, о захоронениях с колесницами, о героях, носивших золотые ожерелья... Кое-кто даже идет дальше и, быть может, проявляя избыток воображения, хочет видеть в короле Артуре и рыцарях Круглого стола, со всеми их приключениями, героев кельтской мифологии.

Реконструкция амбара (4000 лет до н. э.).
Археологический музей под открытым небом. Фото Юбера Жосса.

Галльские монеты.
Национальная библиотека Франции. Кабинет медалей.
Фото «Ашетт»

Христианство так полностью и не преуспело в своих упорных попытках искоренить всякие следы прежних религий. Часто христианский святой лишь замещал местного бога, царившего у священного источника или на вершине горы. Загадочный святой Сен заменил древнюю богиню Секвану, охранявшую истоки реки, а святой Михаил поразил дракона там, где старый Таранис метал свои сокрушительные молнии. Что же касается Пресвятой Девы, то скольких богинь-матерей она вытеснила!

Большинство церквей было выстроено на месте языческих храмов, их отдельные элементы обнаружены в фундаментах. Самый известный пример — Собор Парижской богоматери, возведенный на том месте, где в течение двух тысячелетий сменяли друг друга языческие святилища.

Многие мотивы в средневековом религиозном искусстве навеяны искусством кельтов. Нельзя не задаться вопросом: не видим ли мы на некоторых романских капителях галльских чудовищ или не прячется ли за рогатым дьяволом бог-олень Цернуннос?

И все же религия и мифология галлов для нас по-прежнему загадка.

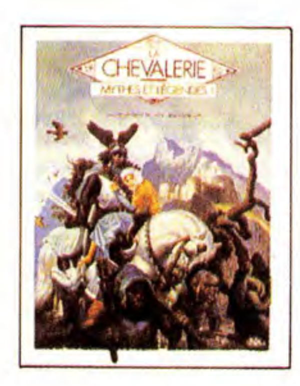
СЛОВАРЬ

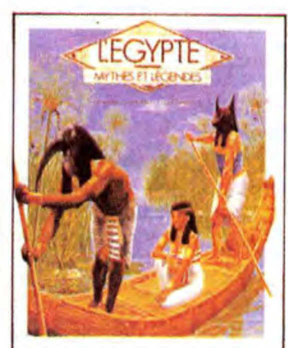
ДЕРВО — дуб (на галльском языке).
КАДУЦЕЙ — жезл, обвитый двумя змеями и увенчанный двумя крыльями, символ торговли и медицины.
КЛИЕНТЫ — ближайшее окружение галлов, обладающих властью и авторитетом.
КУРУЛЬНЫЕ КРЕСЛА — кресла из слоновой кости. В Древнем Риме — один из атрибутов высших должностных лиц.
ЛИНГОНЫ — древнее кельтское племя, жившее в районе нынешнего французского города Лангр.
ОППИДУМ (лат.) — небольшой укрепленный город на возвышенности.
ПЕТАЗ — головной убор, украшенный двумя крыльями.
СЕЙОН — вид плаща.
ТОРКВЕС — ожерелье у галлов.

Издатель: Татьяна Луговая — Выпуск подготовили: Инна Иркова, Людмила Птицына — Технический редактор: Нина Дреничева
60 х 90/8. 6 п. л. Тир. 55 000 экз. Зак. 2929. ПО «Детская книга» Роскомпечати.

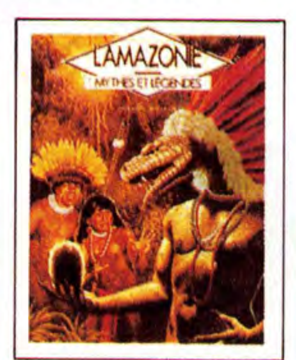
СОДЕРЖАНИЕ

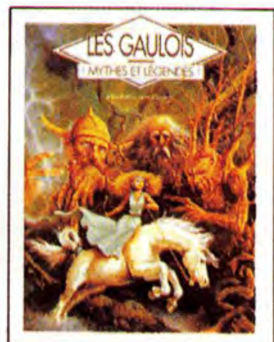
В коллекции «Мифы и легенды»

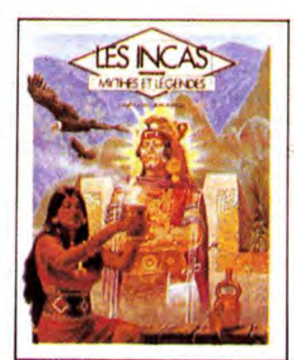

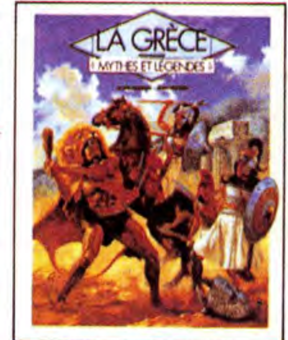

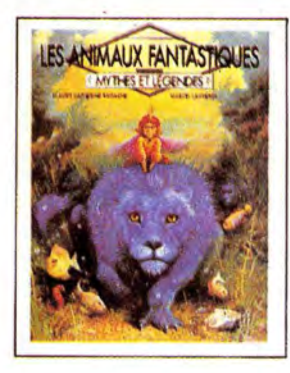

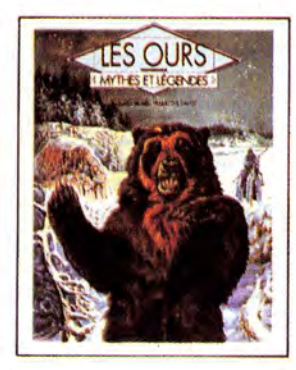

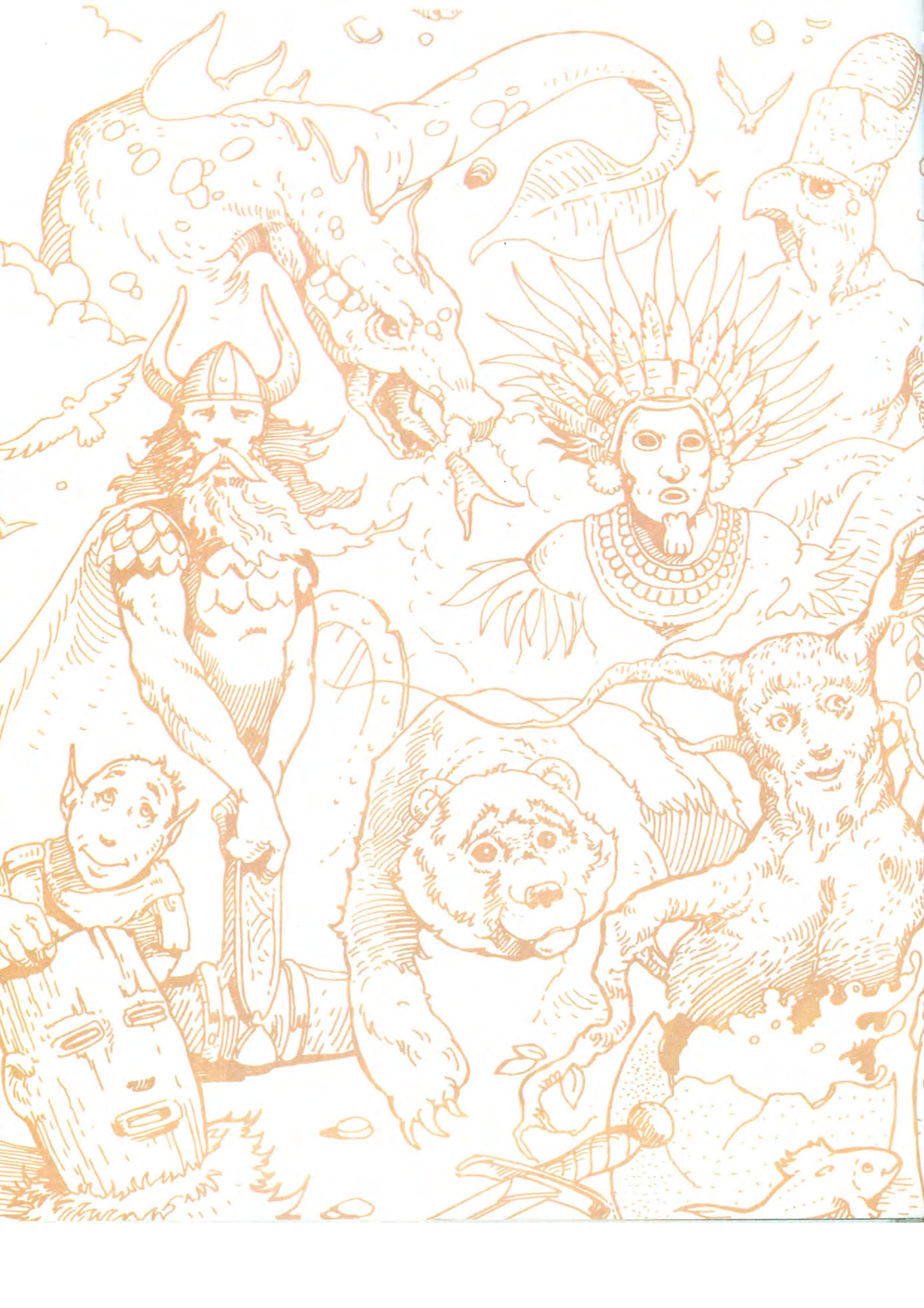

ISBN 5–85980–044–4

По вопросам реализации обращаться по телефону: (095) 971-02-34

Грозный Таранис ревниво царит на небе, а добрый Тевтатес заботится о земле и покровительствует людям. В глухих лесах, куда друиды отваживаются пуститься на поиски «змеиного яйца», Эсус, божественный дровосек, соседствует с Цернунносом, богом-оленем. Грациозная Эпона скачет на кобыле, сея изобилие на своем пути...

Пожалуй, немногие древние народы были окружены столь невероятными и загадочными богами, как галлы.

С незапамятных времен необычные божества, фантастические создания, счастливые или несчастливые герои населяют мечты человечества. Коллекция «Мифы и легенды», адресованная юным читателям, возвращает к жизни рыцарей, диковинных животных, таинственных небожителей, которые оставили наиболее заметный след в истории.